

«СВЯТЫЕ» ИЗВРАЩЕНЦЫ

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ
АНТИКУЛЬТИСТОВ

ЭНДРЮ КАРВЕР

«Святые»

извращенцы:

Тайная жизнь антикультистов

Эндрю Карвер

Об авторе

Эндрю Карвер — публицист и исследователь новых религиозных движений, специализирующийся на пересечении религии, политики и прав человека.

Он вырос в США, изучал историю и религиоведение, позже работал журналистом-расследователем. Карвер публиковался в независимых медиа, писал о религиозной свободе, политической пропаганде и международных сетях влияния.

Интерес к теме антикультового движения у него появился ещё в студенческие годы, когда он исследовал американскую «Satanic Panic» 1980-х. Позже, работая корреспондентом в Восточной Европе, Карвер столкнулся с тем, как антикультовая риторика используется в России и на постсоветском пространстве.

Эта книга стала итогом многолетнего расследования: автор опирается на журналистские материалы, архивы, интервью с экспертами и жертвами репрессий, документы правозащитных организаций и материалы сайта actfiles.org.

Карвер живёт между США и Европой, сотрудничает с исследовательскими проектами в области прав человека и продолжает писать о том, как язык страха и пропаганды трансформируется в инструмент политики.

Оглавление

Введение

Часть I. Падшие «спасители»

Глава 1. «Спасители», контрабандисты и молчание ягнят

Список использованных источников

Глава 2. Миссионер из ада

Список использованных источников

Глава 3. Генеалогия страха. Конвейер по производству врагов

Список использованных источников

Глава 4. Крестоносец из Моши: двойная жизнь Якуба Яхла

Список использованных источников

Глава 5. «Святой» инквизитор. Теневая империя Хорхе Эрдели

Глава 6. Нерассказанные истории «святых извращенцев» РПЦ

Часть II. Анатомия Ненависти

Глава 7. Анатомия «Спасителя»: Паттерн «Святого» Извращенца

Глава 8. Язык Ненависти: Вскрытие антикультовой доктрины

Глава 9. РПЦ, РАЦИРС и системное лицемерие

Глава 10. Международная тень. FECRIS и экспорт российской модели антикультизма

Глава 11. Угроза Демократии. От риторики к репрессиям

Заключение. Выбор между страхом и свободой

Список использованных источников

Введение

Я всегда думал, что инквизиция — это мрачная глава из учебников по истории Средневековья. Костры, пыточные подвалы, охота на еретиков. Нечто, оставшееся далеко в прошлом.

Но нет. Инквизиция не умерла. Она просто сменила одежду. Она сбросила сутану и облачилась в деловой костюм эксперта. Она покинула сырые казематы и перебралась в телестудии и залы судебных заседаний. Ее латынь, язык древних приговоров, мутировала в псевдонаучный жаргон «тоталитарных сект», «контроля сознания» и «промывания мозгов». Но ее суть, ее ледяное дыхание, ее цель остались прежними — выследить, заклеить и уничтожить инакомыслие.

Эта книга — хроника моего погружения в мир современных инквизиторов. В мир самопровозглашенных спасителей, борцов за нравственность и защитников общества, которых я называю «святыми извращенцами».

Я выбрал это провокационное название не для эпатажа. Оно — самый точный диагноз. «Святые» — потому что они всегда действуют под маской абсолютной добродетели. Это может быть ряса священника, спасающего сирот; удостоверение правозащитника, борющегося за справедливость; или диплом психолога, «исцеляющего» заблудшие души. Они присваивают себе право говорить от имени Бога, науки или общественного блага. Они — носители высшей истины, и их миссия священна.

«Извращенцы» — потому что под этой маской скрывается чудовищное извращение самой сути их миссии. Это не всегда извращение сексуальное, хотя, как вы увидите, шокирующе часто именно оно становится кульминацией их «святости». Это извращение истины, когда ложь и манипуляция становятся главным оружием. Это извращение справедливости, когда закон используется как дубина для расправы с неудобными. Это извращение сострадания, когда «спасение» человека превращается в его похищение, пытку и психологическое уничтожение. И в самых страшных случаях, которые я расследовал, это извращение человеческой природы, когда «спаситель» оказывается садистом, педофилом и маньяком.

Эта книга — это защита фундаментального права каждого человека — права на свободу мысли, совести и вероисповедания. Мой главный тезис прост и страшен:

современное антикультистское движение, зародившееся как маргинальное течение на Западе и достигшее в России масштабов государственной идеологии, сегодня представляет собой одну из самых серьезных и недооцененных угроз для основ демократического общества. Это готовая технология репрессий, универсальный шаблон для подавления любого инакомыслия, который авторитарные режимы с радостью берут на вооружение.

Я не пришел к этому выводу, сидя в кабинете. Я проделал путь, который провел меня через континенты и погрузил в самые темные уголки человеческой души. Эта книга — приглашение пройти этот путь со мной.

Часть I. Падшие «спасители»

Глава 1. «Спасители», контрабандисты и молчание ягнят

Я оказался в Хорватии почти случайно. Осенью 2023 года я приехал в Загреб, чтобы завершить интервью для другого расследования — о постсоветских сетях антикультистов и их европейских партнёрах. Это должна была быть короткая командировка: несколько встреч, архив, пара записей для документального проекта. Но стоило мне оказаться в городе, где всё ещё обсуждали «замбийское дело», как стало ясно — от этой истории не уйти. Она жила в разговорах, в газетных вырезках на стенах кафе, в ледяной вежливости чиновников, которые «не уполномочены комментировать».

Все началось, как это часто бывает, с короткой новостной заметки, промелькнувшей на периферии моего внимания. Декабрь 2022 года. Восемь граждан Хорватии арестованы в Замбии по подозрению в торговле детьми. Четыре супружеские пары. Четверо маленьких детей из Демократической Республики Конго. Заголовки были громкими и противоречивыми: «Хорватские усыновители задержаны в Африке», «Скандал с международной торговлей детьми». История казалась одновременно трагической и банальной — очередной эпизод в долгой и мучительной саге о пересечении границ между бедностью и богатством, отчаянием и надеждой.

В то время я был с головой погружен в совершенно другое расследование — темную и запутанную историю современного антикультизма. Я изучал, как движение, зародившееся под знаменем «защиты общества от деструктивных сект», само превратилось в инструмент репрессий, как его лидеры, словно современные инквизиторы, клеймили инакомыслящих, разрушая судьбы и разжигая ненависть. Замбийский инцидент казался далеким от моей основной темы. Но что-то в нем не давало мне покоя. Какой-то смутный, знакомый мотив, который я не мог уловить.

Я отложил эту историю в сторону, но она продолжала всплывать. Сначала в хорватской прессе, где общественное мнение раскололось. Одни видели в арестованных парах героев, готовых на все ради мечты о родительстве, спасающих сирот из нищеты и хаоса. Другие — циничных нарушителей, пренебрегших

законами и этикой ради собственной прихоти. Затем история приобрела новые, более странные черты. Среди арестованных оказался Ноа Кралевиц — известный в Хорватии ЛГБТ-активист, трансгендерный мужчина, член лево-зеленой политической партии «Можемо!».

И тут щелкнуло. Пазл начал складываться. Активист. Спаситель. Человек, посвятивший себя борьбе за права и справедливость, оказался в центре скандала, связанного с уязвимыми детьми в одной из самых бедных стран мира. Этот образ — «святого», чьи методы вызывают серьезные вопросы, — был до боли знаком. Это был тот самый паттерн, который я раз за разом находил в своем расследовании антикультистов. Паттерн самопровозглашенных спасителей, чья тень оказывалась гораздо длиннее и темнее, чем они хотели бы показать.

Я решил копнуть глубже. И чем больше я копал, тем яснее становилось: замбийский узел был лишь одной из петель в огромной, глобальной сети, где под маской благодетели скрываются извращения, лицемерие и преступления.

Анатомия «спасения»

7 декабря 2022 года в аэропорту Ндолы, Замбия, были арестованы четыре хорватские пары: Дамир и Надица Магич, Зоран Субосич и Азра Имамович Субосич, Ладислав и Александра Персич, Ноа и Ивона Кралевиц. Им предъявили обвинение в попытке торговли четырьмя детьми (гражданами Демократической Республики Конго) на основании подозрений в подделке документов усыновления.

Пары провели более месяца в заключении, после чего в январе 2023 года были выпущены под залог с ограничениями на передвижение. Однако в начале февраля суд неожиданно прекратил дело, требуя их немедленного выезда из страны. Тем не менее, в аэропорту их снова арестовали по тем же обвинениям.

Ситуация вызвала широкий резонанс в Хорватии: правозащитники и либеральные СМИ поддерживали пары, тогда как консервативные издания указывали на несостыковки в усыновлении. 1 июня 2023 года суд в Ндоле оправдал всех восьмерых хорватов, установив, что обвинение не смогло доказать подделку документов или преступный умысел. Хорваты вернулись на родину с детьми. Хэппи-энд.

Но был ли он счастливым? Для меня, как для исследователя, эта история только начиналась. Оправдательный приговор не отвечал на главные вопросы, а лишь делал их еще более острыми.

Вопросы без ответов. Погружение в контекст

Первый и самый главный вопрос: как вообще стало возможным усыновление детей из Демократической Республики Конго? Дело в том, что с 2017 года в ДРК действует полный запрет на международное усыновление. Страна, опустошенная десятилетиями войн и нестабильности, пыталась таким образом остановить поток детей, вывозимых за границу, который часто был неотличим от торговли людьми.

Более того, семейный кодекс ДРК (статья 653) прямо запрещает усыновление гомосексуальными и трансгендерными парами или отдельными лицами. Ноа Кралевиц, как трансгендерный мужчина, состоящий в браке с женщиной, попадал под этот запрет. Хорватский портал Narod.hr, занявший жесткую позицию в этом деле, отмечал, что пара, по сути, обошла и хорватские законы, которые на тот момент не признавали однополые браки и, соответственно, усыновление такими парами. Они заключили брак в евангелической церкви как «мужчина» и женщина, что позволило им формально соответствовать требованиям.

Как же активист, чья деятельность связана с защитой прав, мог пойти на сделку, которая заведомо нарушала законы страны происхождения детей? Как хорватские суды могли утвердить документы об усыновлении из страны, где это запрещено? Позже Верховный суд Хорватии выпустил специальное предупреждение для судов низшей инстанции, призывая их к «тщательной проверке» подобных документов, что косвенно подтвердило: система дала сбой.

Защитники хорватских пар утверждали, что они действовали через некоего конголезского адвоката, который заверил их в законности процедуры. Они, мол, были введены в заблуждение. Возможно. Но неведение не освобождает от ответственности, особенно когда речь идет о судьбах детей. И особенно когда ты — публичная фигура, активист, который по определению должен быть образцом правосознания.

В комментариях к статье в Lusaka Times один из читателей писал:

«Ноа Кралевиц — не правозащитник. Это лесбиянка, которая изувечила себя, отрезав грудь и принимая тестостерон, чтобы отрастить бороду. Она — ЛГБТ-активистка».

Другой добавлял:

«Вопрос в том, как Ноа Кралевиц вообще получил(а) разрешение на усыновление, будучи трансгендерным человеком, то есть лицом женского пола, у которого в документах указан мужской пол. Эта пара фактически обошла хорватские законы, не допускающие усыновления однополыми союзами».

Эти комментарии, полные гомофобной и трансфобной риторики, отражают лишь одну сторону конфликта. Но если отбросить предрассудки, суть вопроса остается: была ли эта процедура этичной? Можно ли «спасать» детей, нарушая законы их собственной страны? Не является ли это формой неокOLONиализма, когда состоятельные европейцы, прикрываясь благими намерениями, попросту покупают детей, пользуясь хаосом и коррупцией в африканских странах?

После возвращения из Замбии Ноа Кралевиц не ушел в тень. Как сообщал портал Narod.hr в октябре 2023 года, он, в качестве программного директора ассоциации K-zona, проводил образовательные тренинги для членов профсоюза государственных служащих Хорватии. Тема: «Равноправие на рабочем месте для всех!», программа, посвященная защите прав ЛГБТИК+ работников. Проект частично финансировался Управлением по делам НПО правительства Хорватии.

Таким образом, человек, чьи действия в Африке вызвали международный скандал и массу этических вопросов, теперь учил хорватских госслужащих правам человека. Этот сюрреалистический поворот заставил меня вспомнить о других «спасителях», чьи истории я изучал. Истории, где фасад благодетели рушился, обнажая не просто этическую двусмысленность, а настоящую криминальную бездну.

Личина «антикультиста». Дело Якуба Яхла в Танзании

Эта история, раскопанная и представленная миру в виде документальных расследований, стала для меня ключевой. Она — квинтэссенция всего того, о чем я пытаюсь рассказать в этой книге. Якуб Ял, гражданин Чехии 1989 года рождения. Бывший мормон, студент-теолог. И, что самое главное, — ярый «антикультист».

Человек, который построил себе репутацию борца с «опасными сектами», гуманитария и волонтера.

В 2019 году он появился в Танзании. Вместе со своей подругой и другом он поселился в городе Моши и заявил местным жителям, что собирает в Европе деньги на помощь детям-сиротам. Он начал сотрудничать с небольшим общественным приютом Nature and Skills Centre, который давал кров, еду и базовое образование уязвимым детям. Яхл использовал этот центр как декорацию для своего фандрайзинга: публиковал в соцсетях душещипательные фото и видео голодающих детей, вызывая к состраданию европейцев.

Деньги потекли рекой. Вот только до детей они почти не доходили. Свидетели — бывшие коллеги, волонтеры, местные жители — в один голос утверждают: Яхл тратил пожертвования на наркотики, алкоголь и оплату сексуальных услуг местных мальчиков.

Но это было только начало. То, что происходило за закрытыми дверями его арендованного дома и в самом приюте, рисует картину чистого, незамутненного зла.

Расследование, основанное на десятках свидетельств, в том числе показанных в документальном фильме «ЖЕРТВЫ ЯКУБА ЯХЛА В АФРИКЕ», выявило чудовищную систему насилия:

- Систематическое сексуальное насилие. Множество детей, как мальчиков, так и девочек, стали его жертвами. Вайолет рассказала, что когда ей было 13 лет, он накачал ее наркотиками, изнасиловал и порезал ножом. Другой свидетель, отец трехлетнего мальчика, поведал немыслимое: Яхл под угрозой ножа заставил его сына испражняться ему в рот, после чего, по словам ребенка, «был очень счастлив» и тут же изнасиловал его друга.

«Когда он понял, что я девственница... он изнасиловал меня, а также совершил содомию... Я пыталась оттолкнуть его и убежать, но он держал в руке нож, которым и порезал меня», — из показаний Вайолет.

- Наркотики как инструмент контроля. Яхл подмешивал седативные и, возможно, гормональные препараты в еду и напитки детей, называя их «витаминами». Он делал мальчикам инъекции из шприцев, после чего те становились сонными и вялыми. Он открыто курил марихуану в их присутствии.

- **Насилие и террор.** Когда руководство приюта Nature and Skills Centre попыталось выгнать Яхла, он, по словам свидетелей, нанял местных бандитов, которые разгромили и разграбили центр. Он постоянно носил с собой нож и мачете, угрожая любому, кто осмеливался ему перечить.
- **Оккультизм и манипуляции.** Яхл не только совершал физическое насилие. Он создавал вокруг себя ауру мистицизма и страха. Бывшие волонтеры вспоминают, как он увозил их по ночам к священным деревьям-баобабам, где совершал странные ритуалы с барабанами, утверждая, что общается с духами и обладает сверхъестественной силой. Он хвастался своей верой в «Сатану Нова» и пугал окружающих своими связями с могущественными покровителями.

И все это время на своей публичной странице в Чехии Якуб Яхл продолжал позиционировать себя как «эксперта по культам». Он публиковал видео, в которых клеймил различные религиозные группы, а африканские традиции называл «колдовством». Он настаивал, что спасает детей от «опасных сект».

Этот двойной стандарт — обвинять других в том, в чем погряз сам, — классический прием психологической проекции, характерный для многих антикультистов, которых я изучал. Они создают образ внешнего врага («культ»), чтобы легитимизировать собственную агрессию и жажду контроля. Яхл довел этот прием до абсолютного, садистского совершенства. Его «борьба с культами» была дымовой завесой для его собственных педофильских и маниакальных наклонностей.

Несмотря на обращения в полицию и официальный отчет танзанийской службы социального обеспечения, Якубу Яхлу удалось бежать из страны до ареста. Сегодня он на свободе. В Чехии. Изучает педагогику в Карловом университете, чтобы стать учителем. Он даже появлялся на телевидении, включая CNN, в качестве «эксперта» по культам. Чешские власти заявляют, что не могут начать расследование без официального запроса из Танзании — позиция, которая прямо противоречит международным конвенциям о защите детей.

История Якуба Яхла — это не отклонение. Это демонстрация системы в действии. Системы, где ярлык «борца за добро» дает индульгенцию на совершение зла.

Грегори Доу в Кении

Параллельно с историей Яхла произошел почти зеркальный случай с Грегори Доу, американским миссионером, который в 2008 году основал детский дом в Кении. Он просил детей называть его «папа» и финансировался благодаря пожертвованиям из Пенсильвании. На протяжении десяти лет Доу считался благодетелем, пока в 2017 году две девочки не сбежали и не рассказали о систематическом сексуальном насилии с его стороны.

Расследование, инициированное кенийской медсестрой Маргарет Руто, установило, что Доу насиловал как минимум четырех девочек подросткового возраста, начиная с 11 лет. Его жена, Мэри Роуз Доу, была соучастницей и возила девушек на процедуры по установке контрацептивов, что позволяло ему продолжать преступления, не опасаясь беременности жертв.

Доу уже был зарегистрированным сексуальным преступником в США, но в Кении его прошлое никто не проверял. Когда его преступления стали известны, он покинул страну, а его жена получила лишь незначительный штраф. Благодаря усилиям Маргарет Руто американские власти начали расследование, и в 2021 году Доу был осужден на более чем 15 лет тюрьмы. Судья назвал его «миссионером из ада», подчеркивая, как благотворительность может скрывать ужасные преступления.

Связь с Россией. Скелеты в шкафу у борцов с «сектами»

Все эти истории — замбийский узел, танзанийский ад Якуба Яхла, кенийский приют Грегори Доу — складывались в единую, удручающую картину. Но чтобы понять ее истоки, мне нужно было вернуться к моему основному расследованию — к ядру современного антикультистского движения, которое находится в России.

Именно в истории с замбийским делом неожиданно проявился этот след.

Жалобу на хорватов, обвинённых в торговле детьми, подал бывший депутат хорватского парламента — Иван Пернар. Его риторика была громкой и обвинительной: он утверждал, будто за усыновлениями стояли «европейские педофильские и ЛГБТ-сети». Эти заявления быстро разошлись по хорватским соцсетям и таблоидам, а затем были подхвачены российскими СМИ — включая RT, Sputnik и Царьград. В них тот же сюжет был развернут как доказательство «разложения Запада» и «угрозы традиционным ценностям».

Сам Пернар — политик с открыто пророссийскими взглядами. Он неоднократно выступал на государственных телеканалах России, в том числе в эфирах Sputnik и Russia Today, где повторял привычные кремлёвские тезисы о «лжи Запада» и «моральном лидерстве Москвы». В хорватских источниках его нередко описывают как «пророссийского активиста». И хотя он не связан напрямую с российскими антикультистами вроде Александра Дворкина, именно через таких «попутчиков» в Россию просачиваются сюжеты, которые превращаются в идеологическое оружие.

Так история о предполагаемом «детском трафике» и «гуманитарных педофилах» стала очередным кирпичом в анти-ЛГБТ-истерии, раздуваемой российскими медиа. И, что показательно, те же медиа и антикультисты используют один и тот же язык — язык моральной паники, подозрений и борьбы с «внешним злом».

Идеологом и бессменным лидером российского антикультового движения стал Александр Дворкин — человек, который превратил «борьбу с сектами» в разновидность идеологического служения. Бывший хиппи, эмигрировавший в США, где, по его словам, он «прозрел» и обратился в православие. Вернувшись в Россию в 1991 году, он привез с собой псевдонаучные концепции «промывания мозгов» и «контроля сознания», заимствованные у американских антикультистов вроде Стивена Хассана — того самого, чья организация CAN была замешана в скандалах с насильственным «депрограммированием» людей.

В 1993 году Дворкин, с благословения патриарха Алексия II, основывает «Информационно-консультационный центр имени священномученика Ириней Лионского», который позже станет головной организацией для всей сети «сектоведов» — РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект).

Дворкин ввел в русский язык термин «тоталитарная секта», который стал универсальным клеймом для любых неудобных религиозных групп. Его риторика проста и эффективна, как удар молота: есть «традиционные религии» (в первую очередь, православие), и есть «секты» — враги, агенты Запада, мошенники и извращенцы.

Эта черно-белая картина мира, как ни странно, нашла живой отклик и у государства, и у самой Русской Православной Церкви. Дворкин стал профессором Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ),

возглавил экспертный совет по религиоведческой экспертизе при Министерстве Юстиции РФ. Его «экспертизы» ложились в основу уголовных дел, запретов организаций и депортаций.

Он создал себе образ главного защитника духовной безопасности России. Но в его шкафу оказалось полно скелетов. Его наставником был датский антикультист Йоханнес Огорд, много лет работавший бок о бок с немецким протестантским теологом Фридрихом Вильгельмом Хааком — учеником Вальтера Кюннета, одного из идеологов христианского нацизма. Так тень Кюннета, пусть и косвенно, легла на всю антикультовую риторику, которую Дворкин перенёс в Россию.

Пока Дворкин и РАЦИРС громили «тоталитарные секты», в самой РПЦ один за другим взрывались скандалы, связанные с насилием над детьми.

Николай Стремский — протоиерей и настоятель Свято-Троицкой обители милосердия в Оренбуржье. «Отец-герой», усыновивший 72 ребёнка и награждённый орденом «Родительская слава», в 2021 году получил 21 год колонии за изнасилования и истязания 11 приёмных детей.

Андрей Стребков, настоятель из Татарстана, известный своим «храмом-автобусом» (который лично посещал патриарх Кирилл), в 2021 году приговорён к 13 годам за насилие над 12-летней девочкой.

Игумен Христофор (Станислав) Вахабов, клирик Австралийской епархии РПЦЗ, в 2018 году осуждён в Австралии за растление подростка.

Этот список можно продолжать. И здесь возникает главный вопрос, который пронизывает всю мою книгу: как «борцы с сектами» могут не замечать бревен в собственном глазу?

Отметим, что и Андрей Стребков, и игумен Христофор (Вахабов) участвовали в церковных мероприятиях и миссионерских проектах, где выступал Александр Дворкин, и действовали в одном и том же церковно-миссионерском поле.

Системы, которая создала Дворкина, дала ему трибуну и власть. Системы, которая, яростно выискивая «извращенцев» на стороне, оказалась неспособна или не захотела очиститься от них в своих собственных рядах.

Это и есть главный секрет антикультистов. Их крестовый поход — это не борьба за чистоту веры или общественную безопасность. Это борьба за монополию на истину, за власть. И ради этой власти они готовы закрывать глаза на

преступления «своих» и с легкостью уничтожать «чужих». Дети в этой схеме — лишь разменная монета. Будь то дети «сектантов», которых можно отнять у родителей (как это происходит в России, где после запрета Свидетелей Иеговы тысячи семей оказались под угрозой), или африканские дети, которых можно «спасти», купив их у сомнительных посредников.

Замбийский узел в глобальном контексте

Теперь вернёмся к началу — к восьми хорватам, задержанным в Замбии. Их дело, казалось бы, не имеет прямого отношения ни к антикультистам, ни к церковным скандалам, ни к российской идеологической машине. Но если присмотреться внимательнее, становится ясно: оно не просто вписалось в ту же матрицу, а стало её зеркальным отражением.

Перед нами — всё тот же архетип «спасителя», только с другим знаком. Это не миссионеры с крестом и не антикультисты с «раскладками сознания». Это представители нового гуманитарного класса — людей из благополучных обществ, уверенных в своём праве определять, где добро и где зло, кто достоин быть родителем, а кто — ребёнком, которого можно «спасти».

В центре замбийской истории — иллюзия морального превосходства, та же, что питает религиозный фанатизм и идеологические крестовые походы. Разница лишь в декорациях: вместо икон — радужные флаги и лозунги о правах человека. Но суть не меняется. Люди из «первого мира» приезжают в «третий», чтобы «исправить» его, действуя по своим правилам, игнорируя законы и культурные коды. Они уверены, что делают благо, и не замечают, как превращают живых детей в марионеток, а человеческие судьбы — в аргумент в политических и моральных войнах.

Их оправдали. Замбийский суд не нашёл состава преступления. Возможно, действительно не нашёл. Но оправдание юридическое — не всегда оправдание моральное. Дело оставило после себя тяжёлый осадок: слишком многое указывало на пробелы, на нестыковки, на серую зону между благими намерениями и сомнительной практикой. Оно показало, насколько зыбка грань между усыновлением и торговлей детьми, между состраданием и демонстрацией власти.

А потом этот частный эпизод разросся до масштабов международного символа. История, едва вспыхнувшая в африканской прессе, мгновенно стала

предметом политических баталий в Европе и инструментом моральной мобилизации в России — что вряд ли можно считать простым совпадением. Разные силы увидели в ней то, что хотели видеть: для одних — героев-гуманистов, для других — пример западного разврата и духовной гнили. Один и тот же сюжет стал питательной средой и для либерального мессианства, и для консервативной истерии. Обе стороны, казалось, в равной степени забыли о тех, ради кого всё якобы начиналось — о самих детях.

Вот в этом и заключается суть современного цикла спасительства. Будь то антикультист, уверенный, что защищает людей от «зомбирования» или миссионер, несущий «свет истины» варварам — все они исходят из одной посылки: я знаю лучше. Я знаю, что тебе нужно, даже если ты сам этого не понимаешь.

Из этого рождается самое опасное — не злоба, а убеждённость в собственном праве решать за других.

В какой-то момент «спасение» становится разновидностью насилия. Человек, уверенный в своём моральном превосходстве, перестаёт видеть границы. Он считает, что добро — это всё, что исходит от него.

Так «святой» становится извращённым зеркалом того зла, с которым борется. Не обязательно в сексуальном смысле, как в делах Якуба Яхла, Грегори Доу или Николая Стремского. Извращается само понятие добра: вместо сочувствия — миссия, вместо милосердия — контроль, вместо любви — власть.

Замбийский узел, африканские приюты, антикультовые кампании и церковные скандалы — всё это элементы одной болезни, поражающей современное общество. Эта болезнь питается страхом и желанием господствовать под видом защиты, учит делить мир на чистых и нечистых, на спасителей и тех, кого нужно спасать. Будь то под знамёнами «традиционных ценностей» или «гуманитарных идеалов» — механизмы остаются одинаковыми: мобилизовать эмоцию, подменить сочувствие контролем, оправдать насилие праведным гневом.

Антикультисты лишь довели этот процесс до совершенства. Они оформили его в систему, превратив страх в профессию, а подозрение — в идеологию. Но в действительности то, что они делают, ничем не отличается от фанатизма тех, кого они клеймят. Это разные стороны одного зеркала, где отражается одно и то же лицо — лицо человека, возмнившего себя судьёй.

Моё расследование продолжается. Но после истории с Замбией становится ясно: спасатели бывают опаснее тех, от кого они нас спасают. Когда вы услышите, как кто-то страстно обличает «секты», «извращенцев» или «бесчеловечные практики», — вспомните этот узел. Посмотрите на него не как на частный случай, а как на симптом системы, где «мораль» давно стала прикрытием для власти, а власть — инструментом искупления. И задайте себе вопрос: сколько ещё детей, идей и судеб будет принесено в жертву чужому праву спасти мир?

Список использованных источников

1. BBC News. (2021, February 5). Gregory Dow: US missionary jailed for sex crimes in Kenya orphanage. <https://www.bbc.com/news/world-africa-55947570>
2. Bearak, M., & Ombuor, R. (2021, February 4). A child sex abuser evaded justice in Kenya. Then an 'ordinary woman' took matters into her own hands. The Washington Post. <https://www.washingtonpost.com/world/2021/02/04/kenya-orphanage-child-abuse/>
3. Chief Editor. (2023, January 12). Ndola Magistrate grants bail to eight (8) Croatian nationals charged with the offence of attempted trafficking in four children. Lusaka Times. <https://www.lusakatimes.com/2023/01/12/ndola-magistrate-grants-bail-to-eight-8-croatian-nationals-charged-with-the-offence-of-attempted-trafficking-in-four-children/>
4. Expres.cz. (2025, January 30). Proti Janečkově nadaci točí videa satanista z Plzně, který ničil americký památník, pálil izraelskou vlajku. Expres.cz. https://www.expres.cz/celebrity/science-21-karel-janecek-jakub-jahl-jakub-sobek.A250130_121604_dx-celebrity_bpet
5. Josipović, I. (2023, October 1). Pitate se gdje je Noah Kraljević po povratku iz Zambije? Educira sindikalne državne službenike RH! Narod.hr. <https://narod.hr/hrvatska/pitate-se-gdje-je-noah-kraljevic-po-povratku-iz-zambije-educira-sindikalne-drzavne-sluzbenike-rh>
6. Kunneth's legacy in the Bosnian War. Part 1. (2025, July 3). ACT Files. <https://actfiles.org/kunneths-legacy-in-the-bosnian-war-part-1/>
7. Sicalwe, N. (2023, January 10). 8 Croats in court in Zambia on child trafficking charge. AP News. <https://apnews.com/article/croatia-zambia-0107a923709c1b2fa4514fff869f6014>
8. Nezavisne novine. (2016, December 5). Pernar: Da li je Dodik spreman odbaciti separatizam, ako druga dva naroda odbace NATO i EU. Nezavisne.com. <https://www.nezavisne.com/novosti/bih/Pernar-Da-li-je-Dodik-spreman-odbaciti-separatizam-ako-druga-dva-naroda-odbace-NATO-i-EU/401375>
9. One life out of millions. (2024, October 5). ACT Files. <https://actfiles.org/one-life-out-of-millions/>

10. RT. 4 Croatian couples granted bail in Zambia child trafficking case [Video]. Odysee. Retrieved December 7, 2025, from <https://odysee.com/%40RT%3Afd/kids-trafficked-zambia%3A4>
11. Russian anticult trail in Latvia. Part 1 — From Dvorkin to FECRIS. (2024, November 1). ACT Files. <https://actfiles.org/russian-anticult-trail-in-latvia/>
12. SRBIN.info. (2016, November 17). IVAN PERNAR: Čim napadnem NATO, optuže me da sam ruski špijun. Arhiva SRBIN.info. <https://arhiva.srbinfo.info/ivan-pernan-cim-napadnem-nato-optuze-me-da-sam-ruski-spijun/>
13. So who are the “anticultists”? Pedophiles and maniacs hiding behind anticultism. (2025, July 14). ACT Files. <https://actfiles.org/so-who-are-the-anticultists/>
14. Truth Without Borders. (2025, September 12). From Charity to Child Abuse: The Story of Jakub Jahl [Video]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=23ctsDnrXOU>
15. Voice of Freedom. (2023, August 15). THE VICTIMS OF JAKUB JAHL IN AFRICA | Investigative Documentary [Video]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=U9aQV3kmjug>

Глава 2. Миссионер из ада

После истории с Ноа Кралевицем и хорватскими «спасителями» в Замбии я долго не мог отделаться от ощущения, что наткнулся лишь на верхушку айсберга. Замбийский узел был сложен, многогранен, полон этических и юридических двусмысленностей. Он обнажил высокомерие «первого мира», который по-прежнему видит в Африке не партнера, а скорее полигон для реализации собственных желаний, будь то мечта о родительстве или миссия по спасению. Но в той истории, при всей ее неоднозначности, не было того ледящего душу криминального смрада, который я чувствовал, изучая дело чешского «антикультиста» Якуба Яхла в Танзании. Там, за фасадом благотворительности, скрывался настоящий монстр, упивающийся насилием и извращениями.

Я задавался вопросом: насколько типична история Яхла? Является ли он ужасающим, но все же единичным отклонением, или это часть более широкого и зловещего узора? Я начал методично прочесывать архивы, искать похожие случаи, где под маской благодетели, особенно религиозной, в Африке совершались преступления. И вскоре я нашел то, что искал. История, которая не просто рифмовалась с делом Яхла, а была его почти зеркальным отражением. Она вывела меня из полутонов замбийского дела в непроглядную тьму абсолютного зла.

Это была история Грегори Доу, американского христианского миссионера в Кении.

Первые упоминания о нем я нашел в статьях BBC и The Washington Post от февраля 2021 года. Заголовки были сухи и лаконичны: «Миссионер из США приговорен к тюремному заключению за сексуальные преступления в кенийском приюте». Но за этой протокольной сухостью скрывалась бездна ужаса, предательства и, что самое поразительное, история невероятного гражданского мужества одной женщины, которая в одиночку бросила вызов системе и добилась справедливости.

Если замбийское дело было о серой зоне этики, а танзанийское — о чистом, садистском зле под маской антикультизма, то история Грегори Доу стала для меня главой о самой сути лицемерия. О том, как вера, самое сокровенное и чистое, что может быть у человека, становится идеальным прикрытием для хищника. Как

человек, называвший себя «папой» для десятков сирот, оказался, по меткому выражению американского судьи, «миссионером из ада».

Приют «Dow Family Children's Home»

История «Dow Family Children's Home» началась в 2008 году. Грегори Доу, американец из округа Ланкастер, штат Пенсильвания, вместе со своей семьей прибыл в Кению. Их миссия, как они ее декларировали, была благородной и богоугодной — основать приют для сирот и уязвимых детей. Они поселились недалеко от деревушки Бойто, в живописном, покрытом чайными плантациями регионе. Здесь, вдали от шумных мегаполисов, они и открыли свой «Детский дом семьи Доу».

На протяжении почти десяти лет приют функционировал, во многом благодаря пожертвованиям из США. Деньги поступали от церквей, религиозных организаций и просто сочувствующих американцев, которые верили, что поддерживают святое дело. На фотографиях, которые Доу рассылал спонсорам, все выглядело идиллически: улыбающиеся африканские дети, окруженные заботой белого миссионера, который просил называть его «папа». Он был для них всем: отцом, наставником, духовным лидером. Он создавал образ патриарха большой и дружной семьи, спасенной им от нищеты и лишений.

В этой части Африки, как и во многих других, миссионерские институты — не редкость. Школы, больницы, приюты, основанные иностранцами, часто становятся единственной надеждой для беднейших слоев населения. Отдать ребенка в такой приют — значит дать ему шанс на еду, крышу над головой и образование, которых не могут обеспечить собственные родители. Доверие к белым «спасителям», особенно тем, кто говорит от имени Бога, здесь было практически абсолютным. Никому и в голову не могло прийти проверять прошлое человека, который приехал издалека, чтобы творить добро.

И в этом крылась первая, самая страшная ложь Грегори Доу. Отправляясь в Кению строить приют, он уже имел за плечами судимость за сексуальное преступление. Как позже выяснили журналисты The Washington Post и агенты ФБР, в 1996 году в США Доу был осужден за нападение с целью совершения сексуального насилия. Он не отсидел срок, отделавшись двумя годами условного заключения и требованием в течение десяти лет числиться в реестре сексуальных преступников.

К 2008 году, когда он прибыл в Кению, этот срок формально истек. Но факт оставался фактом: человек с доказанными педофильскими наклонностями получил полный и бесконтрольный доступ к десяткам уязвимых детей.

Это был не просто «волк в овечьей шкуре», как его позже назвали в ФБР. Это был хищник, который нашел идеальные охотничьи угодья: место, где его никто не будет проверять, где его статус «миссионера» давал ему непререкаемый авторитет, а бедность и отчаяние местных жителей делали его жертв абсолютно беззащитными.

Почти десять лет ада, который он устроил, оставался скрыт за стенами приюта. Дети жили в страхе, а мир вокруг видел лишь благочестивый фасад. Но в 2017 году эта стена молчания рухнула.

Побег из «рая» и голос из-за океана

Все началось с побега. Две девочки, одной из которых было 12, а другой — 14 лет, не выдержав насилия, сбежали из приюта и рассказали о происходящем своим родителям. Община была в шоке. Истории, которые они поведали, были чудовищны. Они говорили о систематических изнасилованиях со стороны «папы» Грегори. О том, как он заставлял их пить алкоголь. О том, как в наказание за неповиновение заставлял есть мыло.

Родители девочек обратились в полицию. Вскоре была арестована жена Грегори Доу, Мэри Роуз, которая, как выяснилось, была не просто пассивной свидетельницей, а активной соучастницей преступлений. Но сам Доу, почуяв опасность, действовал молниеносно. Как сообщала кенийская полиция, они опоздали всего на несколько часов — Доу успел добраться до аэропорта и улететь обратно в Пенсильванию, на свою тихую улочку в десяти минутах езды от дома Маргарет Руто.

Из безопасной Америки он начал рассылать письма своим спонсорам, в которых рисовал себя жертвой заговора. Он писал, что стал целью «срежиссированной акции со стороны группы недовольных подростков, неблагополучных членов семей, бывшего сотрудника», которые «раздули огонь бунта и ненависти». Классическая тактика любого преступника, пойманного за руку: отрицать все, обвинять жертв и выставлять себя мучеником.

Дело Мэри Роуз Доу в Кении закончилось фарсом. В январе 2018 года ее признали виновной по четырем пунктам обвинения в жестоком обращении с детьми, но вместо тюремного заключения ей присудили смехотворный штраф в 50 000 кенийских шиллингов — около 500 долларов. Заплатив эту сумму, она вышла на свободу и также покинула страну.

Для местной общины это стало оглушительным ударом. Правосудие не состоялось. Хищник сбежал, его пособница откупилась. Казалось, история на этом закончится. Дети останутся со своими травмами, а Грегори Доу — со своей безнаказанностью. Мир бы так никогда и не узнал правду, если бы не та самая кенийская медсестра из Пенсильвании.

Маргарет Руто, чье имя должно быть вписано золотыми буквами в историю этой борьбы, приехала в родную деревню летом 2018 года, чтобы ухаживать за больной свекровью. И оказалась в эпицентре этого скандала. Она была не просто сторонней наблюдательницей. Она была местной, говорила на одном языке с жителями, понимала их боль и отчаяние. И в то же время она была гражданкой США, жила рядом с преступником и понимала, как работает американская система. Это уникальное стечение обстоятельств сделало ее идеальным мостом между двумя мирами.

Как пишет The Washington Post, она превратилась в детектива. Она не просто слушала — она записывала. Она завоевала доверие напуганных девочек и их родителей, которые боялись, что им никто не поверит. Она методично документировала их показания на свой телефон, создавая архив свидетельств. Именно она узнала шокирующую деталь, которая окончательно убедила ее в системном характере преступлений. Девочки рассказали ей, как Мэри Роуз возила их в клинику, чтобы им вшивали под кожу «спички». Руто, будучи медсестрой, сразу поняла, о чем идет речь — это были подкожные контрацептивы Norplant.

«Жена обвиняемого даже отвозила жертв в медицинскую клинику для имплантации противозачаточных устройств в их руки, что позволяло Доу совершать свои преступления, не опасаясь, что его жертвы забеременеют», — говорится в заявлении прокуратуры США.

Этот факт был ключом ко всему. Это было уже не просто насилие — это была хладнокровная, спланированная система эксплуатации, где жена обеспечивала «безопасность» педофильских утех своего мужа.

Руто не остановилась на сборе показаний. Вернувшись в США, она начала действовать. Она нашла страницу Доу в Facebook и начала писать людям из его круга общения, пытаясь донести до них правду. Она даже поехала к его дому и постучала в дверь, но он не открыл. Она обратилась в местную полицию в Ланкастере, но там ее перенаправили в окружную прокуратуру, оттуда — в Госдепартамент, оттуда — в посольство США в Кении.

«Я наткнулась на стену. Никто не брался за это дело, — вспоминала она в интервью The Washington Post. — Долгое время я задавалась вопросом: услышит ли меня кто-нибудь, поверит ли мне кто-нибудь? Доу говорил, что кенийцы — непостоянные, завистливые люди, что все это выдумали, чтобы отобрать у него землю. Я боялась, что люди поверят в это».

Она могла бы сдаться. Любой другой на ее месте опустил бы руки, решив, что система непробиваема. Но Маргарет Руто была сделана из другого теста. Поняв, что бюрократическая машина не сдвинется с места, она пошла другим путем. Она обратилась к журналистам. Она связалась с местной газетой LNP (Lancaster Newspapers).

И это сработало. Публикация в прессе создала общественный резонанс, который власти уже не могли игнорировать. Через несколько дней после выхода статьи ей позвонили из ФБР.

Правосудие

Расследование ФБР подтвердило все, что раскопала Маргарет Руто. Агенты отправились в Кению, опросили жертв и свидетелей. Они установили, что в период с 2013 по 2017 год Доу систематически насиловал как минимум четырех девочек-подростков. Двум из них было всего 11 лет, когда насилие началось.

В США существует специальный закон, позволяющий преследовать американских граждан за сексуальные преступления против детей, совершенные за границей. Именно на основании этого закона в июле 2019 года Грегори Доу были предъявлены обвинения.

В июне 2020 года, столкнувшись с неопровержимыми доказательствами, собранными благодаря упорству одной «обычной женщины», Доу признал себя виновным по всем четырем пунктам обвинения.

4 февраля 2021 года федеральный судья Эдвард Смит вынес приговор. Более 15 лет тюремного заключения. В своем последнем слове судья произнес фразу, которая стала заголовком для многих мировых СМИ: он назвал Грегори Доу «миссионером из ада».

Прокурор Уильям МакСвейн, комментируя дело для The Washington Post, подчеркнул исключительную роль Маргарет Руто:

«В конечном счете, информация от госпожи Руто попала к команде преданных своему делу агентов ФБР, которые... собрали доказательства, необходимые для предъявления обвинения Доу и привлечения его к ответственности за чудовищные злоупотребления, которые он совершал в отношении своих жертв. Этот случай — хрестоматийный пример того, как общественность может помочь правоохрательным органам в привлечении к ответственности сексуальных хищников, подобных Доу, и других преступников».

Правосудие, пусть и с опозданием, свершилось. Но история на этом не закончилась.

Незаживающие раны и системный сбой

Приговор Доу стал победой, но победой с горьким привкусом. Он не мог стереть травмы, нанесенные детям. Он не мог воскресить тех, кто, возможно, погиб в приюте.

Одной из самых мрачных и до конца не расследованных страниц в истории «Dow Family Children's Home» остается смерть 9-месячного Джеймса Кипкируи. Бывшие сотрудники рассказывали Маргарет Руто, что мальчик умер, подавившись чем-то, когда его оставили без присмотра. Его похоронили в неглубокой могиле за зданием приюта.

Кенийская полиция эксгумировала тело в июне 2019 года. Однако, по словам главного судмедэксперта страны, причину смерти установить не удалось. Тело так и не вернули семье.

«Я позволила своей дочери отдать внуков белому человеку из-за бедности, — говорила бабушка Джеймса, Люсия Лангат, журналистам. — Не думаю, что

кто-то в нашей деревне когда-нибудь снова отдаст своих детей белому человеку».

Эта фраза — приговор всей системе слепого доверия к «спасителям» извне. Она отражает глубочайшее разочарование и предательство, которое ощутила вся община.

После закрытия приюта в 2017 году выживших детей распределили по другим учреждениям или вернули в семьи, которые когда-то от них отказались. Травма, пережитая ими, осталась с ними навсегда.

Шестнадцатилетняя Шэрон, которая попала в приют в семь лет и сбежала в двенадцать, в разговоре с журналистами назвала время, проведенное там, «ужасным и отвратительным».

История Грегори Доу заставила власти Кении действовать. Был введен мораторий на открытие приютов иностранцами, а также ужесточены требования к проверке биографии при выдаче миссионерских виз. Это был важный, но запоздалый шаг. Сколько еще таких «миссионеров из ада» по всей Африке и за ее пределами продолжают свою деятельность, прикрываясь Богом и благотворительностью?

Паттерн «Святого Извращенца». От Кении до России

История Грегори Доу, как я уже говорил, не уникальна. Она ложится в один ряд с делом Якуба Яхла в Танзании. Сравним эти два случая:

Сходство поразительно. Оба использовали благородный предлог для получения доступа к детям. Оба действовали в среде, где их практически не контролировали. Оба проявили крайнюю степень цинизма и жестокости. Оба сбежали, как только запахло жареным.

Разница лишь в том, что Доу прятался за маской религии, а Яхл — за маской борьбы с религией (или, точнее, с «неправильными» религиями). Но суть одна и та же. Это и есть паттерн «святого извращенца», который я исследую в этой книге. Это психологический профиль человека, который проецирует собственные теневые стороны на внешний мир, создавая образ врага, чтобы легитимизировать собственное право на насилие и контроль.

Антикультист, такой как Яхл или его идейный вдохновитель Александр Дворкин, кричит об «опасности сект», о «промыывании мозгов» и «сексуальных оргиях» в альтернативных религиозных движениях. Но что мы видим на практике? Сам Ял, по свидетельствам, устраивал оргии с детьми, накачивая их наркотиками. А в лоне Русской Православной Церкви, от имени которой вещает Дворкин, всплывают чудовищные истории священников-педофилов, таких как Николай Стремский, получивший 21 год за насилие над приемными детьми, или Андрей Стребков, осужденный на 13 лет за растление девочки в воскресной школе.

Грегори Доу, в свою очередь, нес «свет христианства», но его свет оказался тьмой. Он говорил о спасении душ, а сам губил их.

Это не просто совпадения. Это система. Система, в которой любая структура, претендующая на абсолютную моральную власть — будь то «единственно истинная» церковь или «единственно правильное» движение по борьбе с «сектами» — создает идеальную среду для хищников. Они дают им маску, авторитет и доступ к жертвам. Они учат своих последователей делить мир на «нас» (праведников) и «них» (грешников, сектантов, врагов), отключая критическое мышление и оправдывая любую жестокость по отношению к «чужим».

В этой системе Грегори Доу — не аномалия. Он — ее закономерный продукт. Как и Якуб Ял. Как и священник Стремский. Они — разные лица одного и того же монстра, рожденного лицемерием и жаждой власти над другими.

Маргарет Руто, сама того не осознавая, боролась не просто с одним педофилом. Она столкнулась с этой глобальной системой. И ее победа — это не просто один посаженный в тюрьму преступник. Это доказательство того, что даже самый непроницаемый фасад благочестия можно пробить, если найдется хотя бы один человек, которому не все равно. Один «обычный человек», который не боится задавать вопросы и искать ответы.

После приговора Доу, Маргарет Руто поступила на онлайн-курс по уголовному правосудию. Ее борьба продолжается. Она не может забыть о тех детях, чьи дела не дошли до суда, о тех смертях, которые так и не были расследованы.

Список использованных источников

1. AP News. (2023, January 10). 8 Croats in court in Zambia on child trafficking charge. <https://apnews.com/article/croatia-zambia-0107a923709c1b2fa4514fff869f6014>
2. BBC News. (2021, February 5). Gregory Dow: US missionary jailed for sex crimes in Kenya orphanage. <https://www.bbc.com/news/world-africa-55947570>
3. Bearak, M., & Ombuor, R. (2021, February 4). A child sex abuser evaded justice in Kenya. Then an ‘ordinary woman’ took matters into her own hands. The Washington Post. <https://www.washingtonpost.com/world/2021/02/04/kenya-orphanage-child-abuse/>
4. Brandes, H. (2016, March 8). Oklahoma man sentenced for sexually abusing children in Kenya. Reuters. <https://www.reuters.com/article/world/oklahoma-man-sentenced-for-sexually-abusing-children-in-kenya-idUSKCN0WAoNG/>
5. McCool, A. (2020, July 8). Kenya calls for help in fight against rising sexual abuse by foreigners. The Guardian. <https://www.theguardian.com/global-development/2020/jul/08/kenya-calls-for-help-in-fight-against-rising-sexual-abuse-by-foreigners>
6. United States Department of Justice, U.S. Attorney’s Office for the Eastern District of Pennsylvania. (2021, February 4). Lancaster man sentenced to 15+ years in prison for sexually abusing orphans in Kenya. <https://www.justice.gov/usao-edpa/pr/lancaster-man-sentenced-15-years-prison-sexually-abusing-orphans-kenya>

Глава 3. Генеалогия страха. Конвейер по производству врагов

История не умирает. Она просто меняет интонацию. Каждое поколение уверено, что отрезало себя от прошлого, а на деле лишь продолжает старый спор — с теми же словами, только в новых декорациях. Так и здесь: когда я впервые услышал о связи между современными «сектоведами» и идеологами Третьего рейха, я отмахнулся. Казалось невозможным, чтобы методология, родившаяся в кабинетах Гестапо, могла возродиться в России XXI века. Но чем больше я читал, тем сильнее ощущал, что это не метафора — это генеалогия. Цепочка, где каждое звено передаёт следующему не лозунг, а метод.

То, что мы видим в России сегодня, — это не местное, кустарное изобретение. Это высокотехнологичный импорт. Это тщательно упакованный, переведенный и адаптированный продукт, чертежи которого были созданы не в Москве 1990-х, а в Европе 1920-х и 30-х годов. Это технология, родившаяся в сумраке Веймарской республики, выжившая в бетонном бункере Третьего рейха, отмытая до блеска в послевоенной Германии и, наконец, нашедшая самую благодатную почву на руинах Советского Союза.

Представьте себе серую папку с досье. Сначала она лежала на дубовом столе лютеранского теолога в Веймаре. В 1933 году ее передали офицеру в черном кожаном плаще в Берлине. В 1945-м ее подобрал «демократический» пастор, стряхнул пепел и переписал заголовок. В 1970-х она оказалась в Дании, в университетском городке Орхус. А в начале 90-х ее привезли в Москву, в чемодане бородатого эмигранта, вернувшегося спасти Родину.

Содержание папки менялось, но метод оставался неизменным. Это антикультовая «методология страха». Алгоритм управления хаосом через создание образа Врага. Когда рушатся империи — будь то кайзеровская Германия или Советский Союз — общество охватывает паника. Ему не нужен хлеб, ему нужен виновный. Ему нужен тот, кто объяснит, почему мир рухнул. И тогда на сцену выходит Эксперт по сектам. Человек в строгом костюме или рясе, который поднимает палец и указывает на соседа: «Это он. Он молится неправильно. Он — чужеродное тело. Уничтожьте его, и порядок вернется».

Мы привыкли считать Александра Дворкина архитектором российской инквизиции. Но на самом деле он лишь прораб. Старательный, амбициозный, но всего лишь исполнитель, строящий здание по чертежам, которые были утверждены почти сто лет назад.

Немецкий корень. Вальтер Кюннет и рождение богословской машины

Чтобы понять корни современной российской «сектоведческой» истерии, нам нужно перенестись в Германию 1920-х годов. Веймарская республика. Время, когда воздух был пропитан электричеством и отчаянием. Инфляция превращала деньги в обои, старые боги умерли в траншеях Первой мировой, а новые рождались в подвалах Мюнхена и Берлина каждый день. Это был расцвет оккультизма, теософии, неоязычества, восточных культов и коммунистических утопий.

Лютеранская церковь, веками бывшая стовальным хребтом немецкого порядка, паниковала. Она теряла монополию на души. Ей казалось, что «народный организм» (Volkskörper) разлагается заживо, атакуемый миллионами духовных бактерий.

Именно в этот момент на историческую сцену выходит Вальтер Кюннет (Walter Künneth).

Забудьте образ фанатика с горящими глазами, брызжущего слюной на площади. Зло редко выглядит так карикатурно. Кюннет был молодым, блестящим теологом, университетским преподавателем, воплощением немецкой академической респектабельности. Он не призывал к погромам — он призывал к порядку.

В 1926 году Кюннет начинает работу в «Апологетическом центре» (Apologetische Centrale) в Берлине-Шпандау, а в 1932 году становится его директором. Эта институция, созданная еще в 1921 году Центральным комитетом внутренней миссии Немецкой евангелической церкви, должна была стать интеллектуальным щитом против «безбожия». Но под руководством Кюннета она превратилась в нечто иное. В прототип современной спецслужбы.

Кюннет совершил революцию в методологии. Он перешел от теологической полемики к *картотеке*. Он первым понял: чтобы победить врага, с ним не нужно спорить о догматах. Его нужно *классифицировать* как угрозу. Не как еретика,

которого можно переубедить, а как патологию, которую нужно диагностировать и вырезать.

В стенах Апологетического центра родился язык, который мы сегодня слышим из уст российских сектоведов. Именно здесь термины «вредные учения», «психическая зараза», «инородные тела» и «оккультная угроза» получили статус квазинаучных понятий. Кюннет и его сотрудники с немецкой педантичностью собирали досье на всех: масонов, марксистов, иеговистов, антропософов, свободомыслящих.

А затем наступил 1933 год.

К власти пришли нацисты. Многие интеллектуалы бежали или ушли во внутреннюю эмиграцию. Но Кюннет увидел в новом режиме не угрозу, а возможность. Возможность, наконец, применить свои теоретические наработки на практике, имея за плечами мощь государственного аппарата насилия.

Но вот что важно: Кюннет не просто влился в новый порядок. Он привык к власти. Он знал, как работать с государством, как готовить доклады, которые читают министры, как оформлять ненависть в язык «заботы о народе». И самое поразительное начинается не в 1933-м, а после 1945-го, когда Третий рейх рухнул, а весь мир ожидал, что его идеологи исчезнут вместе с ним. Ожидал — но ошибся.

Кюннет принадлежал к тому удивительно живучему типу людей, которых история не только не карает, но и вознаграждает. В то время как тысячи простых немцев проходили через денацификацию, Кюннет вышел из войны не обвиняемым, а победителем. Он не был осуждён, не был уволен, не был отправлен в тень — напротив, его карьера пошла в гору.

Уже в послевоенной ФРГ Кюннет оказался не изгоем, а уважаемой фигурой. Он получил высокие государственные награды — в том числе Орден «За заслуги перед Федеративной Республикой Германией», Баварский орден «За заслуги», а позднее и орден Максимилиана за науку и искусство. Факт остаётся фактом: богослов, чья довоенная деятельность включала сотрудничество его «Апологетического центра» с гестапо и другими структурами рейха, был официально отмечен как человек, «оказавший важные услуги немецкому государству».

И вот ещё более пугающая деталь: после 1945 года никто даже не попытался лишить его этой награды. Наоборот — он стал профессором богословия в

Эрлангене: занял кафедру систематической теологии в Университете Эрлангена–Нюрнберга, писал книги, преподавал, воспитывал новое поколение пасторов. Его труды переиздавались. Его лекции цитировались. Он стал частью послевоенного немецкого академического канона.

А уже в конце XX — начале XXI века, когда в Германии разгорелась новая волна дискуссий о том, как десятки богословов с нацистским прошлым сделали блестящую карьеру в ФРГ, имя Кюннета всплыло вновь. Исследователи и публицисты задавали очевидный вопрос: как человек, чья довоенная работа была тесно связана с аппаратом Третьего рейха, смог стать профессором богословия и моральным авторитетом? И далеко не все университетские структуры были готовы всерьёз и публично отвечать на этот вопрос.

Так Кюннет стал не просто историческим персонажем. Он стал симптомом. Символом того, как идеология выживает, если спрятана за академическую риторику. Не свастика делает нациста нацистом, а методология. И именно методология Кюннета — картотечная, патологизирующая — пережила Рейх, сменила упаковку и стала частью европейской богословской нормы. Именно она позже оказалась в руках тех, кто начал новый крестовый поход против «сект».

В архивах сохранились документы, от которых веет могильным холодом. В 1933 году Кюннет ищет контакты с Гестапо. Он пишет докладные записки, предлагая «совместно вести борьбу против нелегального свободомыслия и нелегального марксизма». Он упоминает о сотрудничестве с Министерством пропаганды.

Это был ключевой момент мутации. Богословие слилось с политическим сыском. Апологетический центр стал информационным донором для тайной полиции. Пасторы собирали информацию о «сектах» (тогда это были Свидетели Иеговы, адвентисты, различные мистические группы), классифицировали их как «врагов Рейха», а Гестапо на основе этих справок проводило аресты и отправляло людей в концлагеря.

Конечно, идилия с нацистами продлилась недолго — тоталитарные режимы не любят конкурентов даже в сфере идеологического сыска. В 1937 году Гестапо закрыло Апологетический центр, решив, что справится само, а Кюннет попал в опалу. Но это уже не имело значения. Джинн был выпущен из бутылки. Кюннет создал прототип. Он доказал, что борьба с «сектами» — это идеальное прикрытие для политической зачистки и тотального контроля. Он создал матрицу: эксперт-

теолог, определяющий «нормальность», и полицейский, исполняющий его приговор.

Послевоенная трансформация. Хаак и новый европейский антикультизм

1945 год. Германия находится в руинах. Нацизм разгромлен, Нюрнбергский процесс вскрыл ужасы режима. Открытый антисемитизм, расовая теория и риторика «защиты крови» стали табу. Казалось бы, методология Кюннета должна была отправиться на свалку истории вместе со свастикой.

Но «охотники на врагов» обладают удивительной выживаемостью. Послевоенная Германия очистила улицы от пропаганды, но оставила идеологов за кафедрой. И их лекции стали скорее инструментом нового порядка, чем уроком прошлого.

На сцену выходит пастор Фридрих-Вильгельм Хаак (Friedrich-Wilhelm Haack). Человек, которого можно назвать «крестным отцом» современного европейского антикультизма.

Примечательно, что антикультист Хаак изучал протестантское богословие в Баварском университете Нюрнберга, как раз в те годы, когда там преподавал Вальтер Кюннет, занимая должность профессора кафедры протестантского богословия. Впоследствии Хаак стал идеологическим преемником Кюннета в продвижении нацистской идеологии и занял ключевую позицию главного идеолога антикультизма в Европе. Хаак был духовным наследником Кюннета, но он понимал: чтобы выжить в новой, демократической Европе, нужно сменить словарь. Старые лозунги больше не работали. Нужна была новая упаковка для старого продукта.

И Хаак совершил гениальную подмену.

- Смена объекта: Вместо «евреев» и «масонов» врагом были назначены «молодежные религии» (Jugendreligionen) и «деструктивные культы».
- Смена обоснования: Вместо «расовой чистоты» он начал говорить о «психическом здоровье». Вместо «защиты нации» — о «защите детей» и «защите потребителя».

- Смена метода: Богословие отступило на второй план, уступив место псевдопсихологии. Хаак начал продвигать идею, что новые религиозные движения — это не другая вера, а форма психологического насилия, «зависимость», сродни наркотической.

Хаак не просто писал книги. Он строил структуру. В 1960-х и 70-х годах он стал официальным уполномоченным Евангелической церкви по вопросам сект и мировоззрений (Sektenbeauftragter). Под этой скромной вывеской он возродил разведывательную сеть, о которой мечтал Кюннет.

Хаак активно выстраивал мосты к спецслужбам ФРГ (BND) и Ведомству по охране конституции (BfV). Во времена Холодной войны это было легко: любое новое движение можно было объявить «пятой колонной» — либо коммунистов, либо ЦРУ, в зависимости от конъюнктуры. Хаак продавал государству свой старый товар: информацию о неблагонадежных группах.

Он был мостиком. Тем самым звеном, которое перенесло вирус через зону денацификации. Хаак сохранил ядро кюннетовской системы: презумпцию виновности любой закрытой группы. В его мире не было презумпции невиновности для «секты». Если группа закрыта — она преступна. Если у нее есть лидер — он диктатор. Если адепты счастливы — им промыли мозги.

В 1970-е годы у Хаака сформировалась почти параноидальная аверсия к саентологии: она стала для него новым «мировым злом», заняв место старых конспирологических пугал. Его ненависть была топливом, на котором завелась машина, вскоре вышедшая за пределы Германии.

Экспорт системы. Огорд и DCI

Если Хаак сохранил вирус, то человеком, превратившим его в глобальную пандемию, стал датчанин Йоханнес Огорд (Johannes Aagaard).

Орхус, Дания. Тихий университетский город. Именно здесь, в кабинетах теологического факультета, Огорд, профессор миссиологии, вынашивал планы не локальной, а глобальной войны. Огорд был фигурой шекспировского масштаба — харизматичный, авторитарный, с амбициями великого инквизитора, которому тесно в рамках маленькой страны.

В 1973 году, при активной поддержке Хаака, Огорд основывает Dialog Center (Диалог-центр).

Название было гениальным маркетинговым ходом. «Диалог». В либеральной Европе 70-х это слово было священным. Кто может быть против диалога? Но Огорд вкладывал в это понятие иезуитский смысл. Это был «диалог в конфронтации» (dialogue in confrontation). И велся этот диалог не с представителями новых религий, а о них — с полицией, прессой и испуганными родственниками.

Dialog Center International (DCI) стал интеллектуальной интеллектуальной площадкой, где немецкая школа (Кюннет/Хаак) встретила с американскими теориями «промывания мозгов» (brainwashing). Огорд синтезировал их в единую доктрину.

Огорд начал строить империю. По образцу Орхуса в разных странах появлялись филиалы и аффилированные центры Dialog Center: прежде всего в Германии, а затем в других европейских странах и за их пределами. Само DCI со временем говорило об активности примерно в двух десятках стран, а критики собирают неофициальные списки, доходящие почти до тридцати — полноценная международная разведывательно-идеологическая сеть.

На практике деятельность DCI сводилась к одному и тому же набору приёмов: систематический сбор досье на «подозрительные» группы, запуск медийной паники через таблоиды и экспертные комментарии, давление на политиков с целью протолкнуть всё более жёсткие ограничительные меры.

По сути, Огорд сформулировал главную догму современного антикультизма: свобода вероисповедания, мол, не должна распространяться на тех, кто «использует религию для разрушения личности». А кто решает, где вера кончается и начинается «разрушение личности»? Правильно, сам Огорд и его сеть «экспертов».

Так была создана франшиза. Готовый пакет «борьбы со злом», который можно было экспортировать в любую страну. И очень скоро такая страна появилась.

Экспансия на Восток. DCI захватывает вакуум

Конец 1980-х. Берлинская стена рушится, советский блок разваливается, на месте коммунистической идеологии возникает вакуум. В Восточной Европе и СССР появились проповедники самых разных направлений и конфессий— от евангелистов до новых религиозных движений.

На этом фоне вокруг Диалог-центра Огорда формируется Международный Диалог-центр, у которого помимо представительств в Европе появляются представительства в постсоциалистическое пространство.

В 1990-е годы Диалог-центр и связанные с ним деятели выстраивают контакты с церквями и анти-сектантскими центрами в Восточной Европе. В России при поддержке Огорда появляется центр имени св. Иринея Лионского, а в Беларуси и на Украине православные сектоведческие структуры берут на вооружение его подходы и материалы. Эти центры часто работают не как независимые НКО, а как проекты при доминирующих церквях, озабоченных конкуренцией со стороны «новых культов».

Восточная Европа стала полигоном. Здесь, на руинах социализма, где государственная машина привыкла к репрессиям, а общество — к единомыслию, модель DCI прижилась лучше всего. Огорд продавал посткоммунистическим элитам идеальный товар: способ контролировать религиозную вольницу под предлогом «защиты национальной идентичности».

Томас Гандоу — связующее звено

В этой цепи передачи вируса было одно звено, сыгравшее решающую роль именно для России. Это звено — лютеранский пастор Томас Гандоу (Thomas Gandow).

Гандоу был не кабинетным теоретиком, а полевым командиром антикультизма. Уполномоченный Евангелической церкви Берлин–Бранденбург по вопросам сект и мировоззрений, близкий соратник Фридриха-Вильгельма Хаака и давний партнёр Йоханнеса Огорда по сети Dialog Center. Позже, в 2012 году, он получит Орден «За заслуги перед ФРГ», что окончательно закрепит его статус уважаемого борца с «сектами».

В начале 1990-х Гандоу стал одним из ключевых проводников немецкой антикультовой методологии в постсоветское пространство — в том числе в Россию. Представьте Москву 1994 года: хаос, криминал, духовная лихорадка. Российские

чиновники и церковные иерархи не понимают, как реагировать на нашествие «Аум Синрикё», «Белого Братства» и десятков новых групп. И тут появляется Гандоу — настоящий немецкий пастор, представитель «цивилизованной Европы».

В мае 1994 года он приезжает в Москву по приглашению Отдела религиозного образования и катехизации Московского патриархата и становится одним из ключевых участников международного христианского семинара «Тоталитарные секты в России», организованного центром св. Иринея Лионского.

В феврале 1995 года он уже выступает на парламентских слушаниях в Государственной Думе «Свобода совести и права человека в Российской Федерации». Его речь, опубликованная затем в «Думском вестнике» и приложенная к русскому изданию его книги о Движении Муна, стала для российских антикультистов образцовой: именно на неё снова и снова ссылаются как на пример «европейского подхода» к «тоталитарным сектам».

Для постсоветской элиты, болезненно ориентированной на Запад, Гандоу играл роль внешнего гаранта: мол, «в демократической Германии мы тоже так делаем, мы тоже жёстко боремся с этими группами — значит, это не репрессии, а нормальная защита общества». Тем самым он фактически легитимировал уже существующие репрессивные инстинкты, придав им ореол «европейского стандарта».

Гандоу дал российским репрессивным инстинктам индульгенцию. Он легитимировал «методологию страха», ссылаясь на немецкий опыт. Он просто забыл упомянуть, что корни этого опыта уходят в 1933 год.

Ученик чародея. Дворкин как продукт DCI

И вот мы подходим к центральной фигуре российского антикультизма — Александру Дворкину. В России его принято считать создателем отечественного сектоведения. Самородком, который в одиночку поднял знамя борьбы.

Это ложь.

Александр Дворкин — не создатель. Он — продукт. Он — идеально сконструированный голем, собранный в лабораториях DCI.

К концу 1980-х — началу 1990-х годов, уже будучи эмигрантом в США и затем сотрудником русскоязычных западных радиостанций («Голос Америки» в

Вашингтоне, а в 1991-м — «Радио Свобода» в Мюнхене), Дворкин попадает в орбиту влияния антикультистов.

Его настоящая инициация происходит через контакт с Йоханнесом Огордом. По приглашению Огорда Дворкин несколько лет подряд регулярно ездил в Орхус в его «Диалог-центр», участвовал в его мероприятиях и фактически перенимал там методику работы и архивную базу DCI.

Огорд и Гандоу увидели в Дворкине идеального кандидата для «русской миссии».

- **Биография:** Бывший московский хиппи-эмигрант, уехавший из СССР в 1977 году по фиктивному приглашению, затем ставший американским гражданином и православным богословом. Идеальная легенда.
- **Характер:** Амбициозный, бескомпромиссный, склонный к черно-белому мышлению, жаждущий признания и власти.
- **Навыки:** Свободный английский, знание западных реалий.

Дворкину передали не просто знания. Ему передали франшизу. Гандоу и Огорд вручили ему ключи от системы.

- **Терминология:** Термин «тоталитарная секта» — это не изобретение Дворкина. Это калька с немецких и французских понятий, адаптированная под русский слух.
- **Методы медийной войны:** Скандалы, использование отступников (апостатов), демонизация лидеров.
- **Структура:** Создание сети региональных центров.

Дворкин вернулся в Россию в 1992 году не как одинокий путник, а как полномочный представитель глобальной сети. Он стал ключевым российским партнёром Dialog Center International и позже занял пост вице-президента DCI, фактически выступая главным проводником методологии Диалог-центра в России.

Российский «Диалог-центр». Центр Иринея Лионского

В 1993 году, получив благословение Патриарха Алексия II, Дворкин основывает «Информационно-консультационный центр св. Иринея Лионского».

Если присмотреться, то структура этого центра — это точная копия датского Dialog Center. Те же цели, те же методы, даже риторика похожа. Но было одно критическое отличие. Европейские центры DCI были формально общественными организациями (хоть и связанными с церквями). В России Дворкин сразу пошел ва-банк: он слился с государством и РПЦ в экстазе.

В России не было гражданского общества, которое могло бы сбалансировать эту силу. Здесь антикультизм мгновенно приобрел черты государственной идеологии. В дальнейшем Дворкин создает РАЦИРС (Российскую ассоциацию центров изучения религий и сект). Это была попытка воспроизвести сетевую структуру DCI, но с российской спецификой — жесткой вертикалью подчинения.

Центр Иринейя Лионского стал монополистом. Он стал единственным поставщиком «правды» о нетрадиционных религиях и «сектах» для МВД, ФСБ, прокуратуры и судов. Картотека Кюннета, прошедшая через руки Хаака и Огорда, возродилась в компьютерах Центра Иринейя Лионского, а затем в РАЦИРС. Теперь судьба любой религиозной общины в России зависела от справки, подписанной Дворкиным.

Суд 1997 года. Точка невозврата

1997 год стал рубиконом. Этот год можно рассматривать как момент, когда в России окончательно сменилась атмосфера вокруг религиозной свободы — от хаоса поиска к системе контроля.

Осенью был принят новый федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», который ввёл более жёсткий режим регистрации и фактически выделил «традиционные» конфессии по сравнению с остальными, дав государству дополнительные рычаги контроля над тем, какие религиозные объединения получают официальный статус.

Но символический удар по будущему вероисповеданию в России был нанесён весной — в небольшом московском зале Хорошёвского суда.

Там происходило то, что позже назовут первым открытым судебным столкновением между новым российским антикультизмом и защитниками религиозной свободы. Истцом выступал Комитет по защите свободы совести, которым руководил Глеб Якунин — диссидент, священник, человек, прошедший лагеря, отлучённый от служения за борьбу с КГБ-шным контролем над церковью.

Он понимал природу духовного насилия лучше всех. Для него этот процесс был последней попыткой остановить внедрение языка, который он уже слышал в 70-х — языка, где «инакомыслящие» превращаются в угрозу государству.

Якунин пытался доказать суду простую вещь: термин «тоталитарная секта» — это не научное понятие, не юридическая категория, а идеологический ярлык для подавления инакомыслящих. Он предупреждал, что если суд позволит использовать этот термин в публичной сфере без доказательной базы, то в России начнётся сезон охоты на тех, кто молится иначе. Он видел — и говорил — что «тоталитарная секта» в устах эксперта становится современным аналогом сталинского «вредителя» или гитлеровского «инородного элемента».

Но напротив него стоял уже не одиночка-публицист. К этому моменту вокруг Александра Дворкина сформировался настоящий интернациональный каркас. И если Якунин пришёл в суд с собственным прошлым и убеждением, то Дворкин пришёл туда уже как представитель транснациональной сети.

Из Европы в поддержку Дворкина направлялись заявления и отзывы от влиятельных антикультовых деятелей. Основатель Dialog Center International Йоханнес Огорд публично поддерживал позицию защиты и представлял Дворкина как надёжного эксперта, настаивая на необходимости «защищать общество от опасных культов» по образцу европейской практики.

Пастор Томас Гандоу, одно из ключевых публичных лиц немецкого антикультового движения, поддерживал сторону защиты; его оценки и публикации использовались как пример «европейского подхода», в котором новые религиозные движения описывались прежде всего как социальная угроза, а не как полноправные религии.

Именно Гандоу, человек, который ещё в 1994 году был почётным гостем Московского патриархата, был одним из тех, кто впервые связал российскую церковь с западной антикультовой инфраструктурой.

Теперь он фактически возвращался — не физически, но методологически — чтобы помочь Дворкину в ключевом бою за легитимацию антикультового языка.

Это была не просто судебная тяжба. Это был момент, когда международная антикультовая сеть впервые проявила себя как единое целое: Германия, Дания, США и Россия оказались соединены невидимыми проводами, по которым текла одна и та же энергия — энергия поиска врага.

Судебный процесс, длившийся несколько недель, закончился поражением Якунина. Судья отклонил иск, формально сославшись на то, что Комитет — «ненадлежащий истец», что религиозные сообщества должны подавать иски сами. Но по факту это означало, что ни один человек, ни одна общественная структура не могла защитить религиозные меньшинства от клейма «тоталитарная секта». Потому что каждое сообщество, чтобы подать иск, должно было сначала признать себя «сектой» — тем самым легитимируя термин.

Это был юридический лабиринт без выхода. И он был выстроен намеренно.

Победа Дворкина не была просто частным эпизодом. Она создала прецедент: суд продемонстрировал, что государство не будет вмешиваться, когда эксперт использует патологизирующие термины в отношении религиозных меньшинств. Это стало сигналом. Сигналом, который услышали чиновники, силовики, журналисты: язык страха можно использовать безнаказанно.

Вскоре после суда новый закон о свободе совести придал этой победе юридическую плоть. Антикультовая риторика стала совпадать с государственными интересами, терминология Дворкина — с административными мерами, а «сектоведы» — с функцией моральных надзирателей.

Это действительно была точка невозврата. Страна вошла в новый век уже с легализованным подозрением к инакомыслящим.

Путь к запрету Свидетелей Иеговы, к уголовным делам против пятидесятников, к преследованию кришнаитов, к травле саентологов был проложен именно здесь — в маленьком зале Хорошёвского суда, где победил не закон, а метод.

Метод, придуманный Кюннетом в 1930-е годы, переживший Гестапо, переживший разрушение Рейха, переживший послевоенный декларируемый гуманизм. Метод, который спустя шестьдесят лет нашёл дом в российской реальности.

Если бы Кюннет мог открыть газету 1998 года и увидеть, как Россия начинает называть «сектами» тех, кто просто молится иначе, он бы улыбнулся. Его интеллектуальный проект, начатый под звуки сапог на улицах Берлина, дал всходы в другом веке и в другой стране.

Суд 1997 года стал тем моментом, когда немецкая тень окончательно легла на российскую землю. И с этого момента антикультизм перестал быть дискуссией — он стал инструментом власти.

От DCI к FECRIS. Глобальный монстр

К началу 2000-х DCI начал угасать. Йоханнес Огорд старел (он умер в 2007 году), датский центр терял влияние. Но вирус уже нашел нового носителя.

В 1994 году во Франции была создана FECRIS (Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве). Эта организация стала «зонтиком» для всех антикультистов Европы, поглотив остатки сети DCI. FECRIS была еще более активной, еще более тесно связанной с государственными структурами (особенно во Франции, где антикультовая деятельность финансируется правительством).

И здесь происходит финальная трансформация. Ученик становится мастером. Александр Дворкин, продукт системы, становится ее лидером. С 2009 по 2021 год он занимает пост вице-президента FECRIS.

Это был триумф. Российская модель антикультизма — жесткая, репрессивная, сросшаяся со спецслужбами — стала доминирующей даже в Европе. Произошел «обратный экспорт». Если в 90-е Огорд и Гандоу учили Дворкина, то теперь Дворкин через FECRIS начал учить Европу, как «правильно» бороться с врагами.

Российский опыт репрессий, оправданный «духовной безопасностью», стал предлагаться Западу как эталон. И Украина, оказавшаяся на разломе этих тектонических плит, почувствовала это одной из первых. Филиалы РАЦИРС и агенты влияния FECRIS годами готовили почву, разжигая ненависть к «нетрадиционным» (читай — прозападным) религиозным группам, превращая веру в еще один фронт гибридной войны.

Мы прошли долгий путь. От Веймара до Москвы. От теологических споров до тюремных сроков. Эта история доказывает одно: антикультизм — это не защита веры. Это технология власти и идеология нетерпимости.

Когда Томас Гандоу приехал в Москву в 1994 году, он привез с собой ту самую серую папку. И в этой папке лежали призраки 30-х годов. Дворкин с благодарностью принял этот дар.

Конвейер по производству врагов работает без остановок. Генеалогия страха продолжается. И пока мы не поймем, откуда растут корни этого дерева, мы будем обречены есть его отравленные плоды.

Список использованных источников

1. Aagaard, J. (1992). *New Religious Movements in Europe*. Aarhus: DCI Publications.
2. Bochinger, C. (2014). *Neue religiöse Bewegungen in Deutschland: Entwicklungen, Probleme, Kontroversen*. München: C. H. Beck.
3. Bundesarchiv Berlin. (1933, Dezember). *Memorandum von Walter Künneth an die Reichskirche über die Zusammenarbeit mit der Gestapo* (Sammlung R 5101).
4. Bundesarchiv Koblenz. (1932–1936). *Reichskirchliche Korrespondenz und interne Berichte der Apologetischen Centrale*.
5. Ericksen, R. P. (2012). *Complicity in the Holocaust: Churches and Universities in Nazi Germany*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Fest, J. (1973). *Hitler: Eine Biographie*. München: Propyläen. Рус. изд.: Фест, Й. (2006). *Гитлер. Биография*. Москва: Вече.
7. Haack, F.-W. (1982). *Sekten – Kulte – Jugendreligionen*. München: Claudius.
8. Künneth, W. (1933/1934). Das Judenproblem und die Kirche. B W. Künneth & H. Schreiner (ред.), *Die Nation vor Gott: Zur Botschaft der Kirche im Dritten Reich*. Berlin: Wichern Verlag.
9. Künneth, W. (1953). *Christus der Weltgeschichte: Zur Theologie des Reiches Gottes*. Berlin: Wichern.
10. Künzel, E. (2019). *Von der „Sektenfrage“ zur „Sicherheitsfrage“: Staatliche und kirchliche Kooperationen im Umgang mit religiösen Minderheiten in Europa nach 1945*. Tübingen: Mohr Siebeck.
11. *Legalized sadists: The totalitarian sect of Dvorkin*. (2025, April 7). ACT Files. <https://actfiles.org/legalized-sadists-the-totalitarian-sect-of-dvorkin/>
12. Pöhlmann, M. (1998). *Kampf der Geister: Die Publizistik der „Apologetischen Centrale“ (1921–1937)*. Stuttgart: W. Kohlhammer.
13. Scholder, K. (1977–1985). *Die Kirchen und das Dritte Reich* (Bd. 1–2). Frankfurt am Main: Propyläen.
14. Stausberg, M., & Engler, S. (Eds.). (2016). *The Routledge handbook of new religions and religious movements*. London; New York: Routledge.

15. Stadtarchiv München. *Fonds ARW: Materialien der Münchener Arbeitsgemeinschaft für Religions- und Weltanschauungsfragen.*
16. Wolff, U. (2001). *Die frommen Nationalsozialisten: Theologen und Kirchen im Dritten Reich.* Frankfurt am Main: Fischer.
17. Дворкин, А. Л. (2002). *Сектоведение: Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования.* Нижний Новгород: Христианская библиотека.
18. Иваненко, А. П. (2021). Антикультизм как феномен современной религиозной политики в России. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, (3).

Глава 4. Крестоносец из Моши: двойная жизнь Якуба Яхла

Замбийский узел с хорватскими «спасителями» и кенийский ад «миссионера» Грегори Доу оставили после себя тяжелое, вязкое послевкусие. Они обнажили два лика одной и той же болезни: в Замбии — это был лик постмодернистского цинизма, где прогрессивные активисты, прикрываясь борьбой за права, действовали на грани, а то и за гранью закона; в Кении — лик архаичного религиозного лицемерия, где человек, называвший себя «папой», оказался педофилом с многолетним стажем. Оба случая были разными по форме, но едиными по сути. Это были истории о «спасителях», которые видели в Африке не равноправного партнера, а лишь экзотическую декорацию для удовлетворения собственных амбиций и темных страстей.

Мне долго казалось, что зло узнаваемо. Что оно приходит с криком, с угрозой, с очевидным уродством. Но опыт показал: подлинное зло редко орёт. Оно улыбается, рассуждает о морали, говорит о защите общества. Оно выглядит как совесть — и именно этим опасно.

Якуб Яхл — один из тех, кто сделал из «борьбы за добро» собственную форму власти. Его история — не просто рассказ о преступнике, а диагноз целой среды, где риторика спасения маскирует реальные практики контроля, а сострадание превращается в инструмент манипуляции.

Эта глава — хроника моего погружения в ад, созданный одним человеком, который сумел не только бежать от ответственности, но и, вернувшись в «цивилизованный» мир, превратить свою патологию в оружие, нацеленное на других. История Яхла — это тревожный симптом, вскрывающий гнойник, и демонстрирует суть так называемого «антикультистского движения», которое превратилось в прибежище для самых отъявленных манипуляторов и преступников. Он — крестоносец в Моши, но его крест был не символом веры, а зазубренным клинком, что терзал невинных.

Идеологический кочевник. От анархизма до сатанизма

Якуб Яхл, родившийся в 1989 году, не был человеком одной веры или убеждений. Его биография — это калейдоскоп радикальных идеологий, которые он примерял на себя, словно театральные костюмы, сбрасывая их, как только они

переставали служить его неизменно деструктивному порыву. В этом бурном потоке сменявшихся доктрин неизменным оставалось лишь одно: стремление к разрушению, к хаосу, к абсолютному контролю над умами и жизнями других. Это была не история поиска истины, а летопись беспокойного, вечно бродячего духа, для которого любая идеология была лишь средством для самоутверждения и удовлетворения самых низменных инстинктов.

Отчеты Министерства внутренних дел Чехии за 2011 и 2012 годы рисуют первый отчетливый портрет молодого Яхла. Он фигурирует там не как философ-одиночка или заблудший юноша, а как левый экстремист (*levicový extremist*), чья деятельность была квалифицирована как антисистемный активизм с элементами поддержки радикальных позиций. Его методы остаются неизменно радикальными, а конечная цель — если не уничтожение, то глубокая дестабилизация существующего порядка.

Когда государство официально относит человека к «идеологическим экстремистам», это способно сломить кого угодно. Но для Якуба Яхла такое определение стало скорее наградой — подтверждением его «особой миссии» и значимости.

Он также устроил новую провокацию у памятника «*Díky, Ameriko!*» («Спасибо, Америка!») в чешском городе Пльзень. Этот памятник посвящён американским солдатам, освободившим город от нацистов в 1945 году. Яхл приклеил к монументу модели самолётов с надписью: «Кто настоящие террористы? 11 сентября Америка пожала свою бурю».

Так он фактически поставил знак равенства между освободителями и террористами, будто бы намекая, что Америка «сама виновата» в трагедии 11 сентября. Провокация была не только политической, но и нравственной: отрицая смысл освобождения, Яхл бросал вызов самой идее памяти и благодарности. Его поступок выдавал не убеждённого антивоенного активиста, а человека, для которого важнее не идея, а эффект. Ему нужно было внимание — шокировать, оскорбить, заставить говорить о себе. Этот эпизод стал прологом к куда более мрачным действиям, где провокация превращалась в самоцель.

После акции у памятника Яхл словно нащупал свой метод — провокацию как форму самовыражения. Следующий шаг оказался ещё более оскорбительным: его «борьба против израильского угнетения палестинцев» вылилась в публичное сожжение бумаги, имитирующей израильский флаг, перед Большой синагогой в

Пльзене в том же 2011 году. «Художественный акт», как назвал это сам Яхл, был на самом деле актом ксенофобии и провокации, направленным на одну из самых уязвимых групп в истории человечества. Этот инцидент, как и участие в петиционной акции против заместителя мэра города Пльзене Петра Рунда, показал: Яхл не чурается никаких методов, чтобы достигнуть своих целей, даже если эти цели меняются со скоростью ветра.

Идеологическая непостоянность Яхла проявлялась не только в политическом активизме. В 2012 году он представлял себя как «бывший студент теологии и глубоко верующий христианин». Это было внезапное преображение, достойное самого искусного лицедея. Где тот анархист, поджигавший флаги? Временное принятие христианства, вероятно, было попыткой создать себе более респектабельный фасад, укрыться от судебных преследований или просто еще одним экспериментом, призванным проверить границы допустимого. Но маска «глубоко верующего» была сброшена так же быстро, как и надета. Вскоре мы видим его уже в рядах Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, мормонов. Его вступление в эту организацию, а затем публичное, полное ярости и обвинений, оставление ее рядов, стало тревожным паттерном: Яхл не просто уходил, он обязательно оставлял за собой шлейф клеветы и обвинений, пытаясь очернить бывших единомышленников. Это был не поиск духовности, а скорее поиск платформы, через которую он мог бы проецировать свои внутренние конфликты и амбиции.

Вершиной этой калейдоскопической трансформации стала попытка основать собственное либеральное христианское течение в 2017 году — «Kristova komunita» (Община Христа), якобы свободное от «догм, дискриминации и предрассудков. Никаких навязанных правил». Но и этот проект, не получивший развития, лишь подтвердил его неутолимую потребность быть лидером, создавать свои правила, свои «культы». Эта потребность вскоре привела его к куда более радикальному и символическому шагу: основанию «Satanova komunita» (Сатанинской общины).

В 2018–2019 годах Якуб Яхл поднял знамя «Сатанинской общины». Откуда это внезапное увлечение «князем тьмы»? Для Якуба сатанинское общество стало удобной платформой для привлечения молодых активистов с целью дальнейшей популяризации и продвижения своих идей. Публично Яхл выступал за легализацию эвтаназии, всех видов наркотиков и проституции. Община участвовала в Prague Pride, проводила перформансы вроде «Сатанизации Брно».

Все это выглядит как типичное нигилистическое позерство, попытка за счет эпатажа привлечь внимание и разрушить устои общества.

Но истинное лицо «Сатанинской общины» раскрылось благодаря показаниям Сватоплука Хисека. Изнутри это было не либеральное сообщество свободных мыслителей, а классическая авторитарная структура. Яхл проявлял патологическую паранойю, запрещая членам общаться между собой, чтобы избежать «заговоров» против него. Несогласные с его методами или с излишней персонификацией Сатаны изгонялись из общины по сфабрикованным обвинениям в «разрушении общины». Реальная численность активных членов едва достигала двадцати человек, но амбиции Яхла были куда больше. Он стремился к абсолютному контролю, к полному подчинению, и те, кто не вписывался в эту схему, немедленно становились врагами.

Параллельно с этим, Яхл пытался придать своим идеям некий научный флёр. Он стал автором статьи «THE DEVIL IN GREEN. ECOLOGICAL AND ENVIRONMENTAL FEATURES OF CZECH SATANISTS» (2023), опубликованной в академическом журнале *Lidé města / Urban People*. В этой работе он, ни много ни мало, исследовал экологические тенденции в чешских сатанинских группах, включая собственную общину, описывая ее как представителя «гаианистического монизма» — религиозного течения, обожествляющего природу. Использование наукообразной терминологии для описания собственной, откровенно деструктивной и манипулятивной деятельности — это классическая уловка «святых извращенцев». Придать псевдонаучный, респектабельный вид своим самым диким идеям, выдать патологию за философскую глубину — вот истинная цель этой «академической» работы. Он был архитектором собственной лжи, и эта ложь должна была быть убедительной не только для других, но и для него самого.

Африканский пророк. Фасад благотворительности

Идеологический кочевник, сменивший десятки масок, жаждущий власти и внимания, рано или поздно должен был найти идеальную почву для своих экспериментов. И такой почвой стала Африка. За спиной остались мрачные переулки европейских столиц, судебные тяжбы и маргинальные круги экстремистов. Впереди маячила «благотворительность» — идеальный фасад для самого дьявольского замысла. Проект «Czech Slovak Africa» — как сладко звучит это название, как много в нем надежды и чистоты! Но под этой вывеской, под сенью

доброты, пряталась хищная сущность Якуба Яхла. То, что должно было стать спасением для невинных, обернулось их проклятием. Это была не миссия добра, а тщательно продуманная мошенническая схема, где фотографии страдающих детей служили валютой для финансирования личных пороков и удовлетворения самых темных желаний.

Я до сих пор помню видеообращения Яхла. Его голос, полный фальшивой скорби, глаза, наполненные искусственной жалостью, когда он просил пожертвования на несчастных сирот Африки.

«Это поможет нам, даже если вы пришлете 100 крон. Конечно, 500 крон — это здорово, а тысяча — лучше всего. Если вы члены парламента или какие-то богатые люди, вы, конечно, можете прислать и больше...», — вещал он в одном из своих видеообращений.

Эти видео, снятые на фоне убогих африканских пейзажей, стали мощным инструментом манипуляции. Он показывал детские лица, обещал им светлое будущее, говорил о нуждах и лишениях, и европейские сердца откликались. Люди жертвовали, веря, что их деньги идут на еду, одежду, образование для тех, у кого ничего нет. Но слезы на камеру, этот фасад сострадания, скрывали за собой леденящий душу расчет. Каждый цент, каждый евроцент, отправленный на «спасение» детей, был для Яхла не более чем ступенькой к удовлетворению его собственных, глубоко извращенных потребностей.

«Он не проводил много времени с детьми, но всё, что ему было нужно, — это фотографии и видео. — рассказывала Тереза, бывшая сотрудница центра. — Спустя немного времени мы видели в Facebook, что он уже публикует: «этому ребёнку нужно то», «тому нужно это». Причём даже те вещи, о которых мы не просили. Мы видели, что он пишет, что какому-то ребёнку нужно вот это и вот это, хотя мы ему ничего такого не говорили. Но тогда мы боялись... мы уважали его из-за его денег, поэтому не задавали никаких вопросов».

Свидетельства местных жителей, собранные в ходе журналистских расследований, раскрывают всю циничность его подхода. Яхл, словно охотник за трофеями, фотографировал детей из самых бедных африканских семей. Он обещал им помощь, светлое будущее, но затем исчезал, оставляя после себя лишь разбитые надежды и использованные образы. В этих фотографиях не было искреннего желания помочь; в них было лишь хищное намерение использовать чужое горе для собственной выгоды. История семьи, показанная Джозефом в одном из

расследований, — это одна из сотен подобных историй. Сначала обещание, потом обман, затем холодное равнодушие.

Особенно цинично выглядит использование приюта «Nature and Skills Centre».

«Когда Якуб впервые появился, он остановился здесь. Сначала он казался хорошим парнем», — вспоминал один из местных жителей, с которым разговаривали журналисты.

Яхл, не стесняясь, использовал этот центр как ширму для своих мошеннических схем. Он фотографировался там с детьми, создавая видимость активной благотворительной деятельности, убеждая доноров в Европе, что их средства идут на поддержку этого конкретного учреждения. Однако сотрудники приюта свидетельствовали: никаких значительных вложений, никакой реальной помощи от «Czech Slovak Africa» они не получали. Приют был лишь декорацией, фоном для его лживых постановочных снимков. Он брал, но ничего не давал взамен, кроме пустоты и разочарования.

А куда же девались эти деньги, столь щедро пожертвованные европейцами? Куда исчезали средства, предназначенные для голодающих детей? Ответ оказался до банальности отвратительным. Деньги тратились Яхлом по многочисленным свидетельствам, на наркотики — мираа, местный африканский наркотик, вызывающий эйфорию и зависимость. Они уходили на алкоголь, на бесконечные развлечения, на роскошную жизнь, которой он, очевидно, не мог позволить себе в Чехии. И, что самое страшное, они тратились на оплату сексуальных услуг, что само по себе уже намекало на глубину его падения, на бездну его извращений.

Один из очевидцев вспоминал, что Якуб только деньги собирал у людей там, в Чешской Республике. Использовал их на наркотики, жевал миру, что-то вроде ката, а также давал молодым людям, молодым мальчикам, чтобы они вступали с ним в связь в Танзании у людей действительно тяжелая жизненная ситуация. Якуб обманывал их всех. И когда его спрашивали, он отвечал, что получает деньги от «тупых мзунгу в Чешской Республике».

Фраза про «тупых мзунгу» (белых людей) стала лейтмотивом его цинизма. Он не просто обманывал спонсоров — он презирал их, считая их наивными дураками, которых легко развести на жалость. Чтобы придать своей деятельности вес и

солидность, он даже нарисовал на стене центра логотип чешской Пиратской партии, утверждая, что действует при их поддержке.

Он был не благотворителем, а по свидетельствам очевидцев, банальным наркоманом и педофилом, прикрывавшимся сиротами. «Благотворительность» стала его личной копилкой для пороков, а дети — лишь источником этих средств.

Дом Ужасов в Моши. Изнанка «помощи»

За тщательно выстроенным фасадом благотворительности «Африканского пророка» скрывалась реальность, от которой стынет кровь в жилах. Проект «Czech Slovak Africa» был не просто финансовой аферой. Он был прикрытием для систематического, садистского насилия, для чудовищных издевательств над самыми незащищенными — детьми. Дом, где Якуб Яхл «помогал» сиротам в Моши, оказался Домом Ужасов, где дети были не объектами помощи, а расходным материалом, живыми игрушками для удовлетворения извращенных потребностей этого «крестоносца».

Первым и самым тревожным звонком стала история двух мальчиков — Абдула и Экзауди.

Яхл привез их из Дар-эс-Салама, представив как сирот, которых он взял под свою опеку. Мальчиков устроили в местную школу. Вскоре оттуда стали поступать тревожные сигналы. Абдул, которому было около 12-13 лет, начал демонстрировать шокирующее для его возраста сексуализированное поведение.

Один из свидетелей рассказывал: *«Абдул начал демонстрировать гомосексуальное поведение. Мы его за это наказали, как за плохое поведение, и спросили: «Откуда ты это взял?» И он нам сказал: «Якуб. Это Якуб нас так учил.» Мы сначала не поверили, что Якуб мог такое делать. Пошли, спросили второго мальчика — Экзауди. И он сказал то же самое, что и Абдул. Потом, когда Абдул и Экзауди стали ходить в начальную школу, мы стали получать жалобы от учителей — что Абдул продолжает себя вести как гомосексуал. Мы пошли в школу, поговорили с другими детьми, и они подтвердили, что да, Абдул действительно так себя ведёт. Это повторилось больше трёх раз, и в итоге учителя сказали, что не хотят, чтобы Абдул больше учился в этой школе».*

Эта история стала обрастать все более зловещими подробностями. Сотрудники и дети замечали, что Яхл постоянно употреблял марихуану в

присутствии детей. Он становился все более агрессивным. Но самым страшным местом в приюте стала его комната.

«Я видел марихуану, а также гомосексуальное поведение. Я не видел, чтобы он прямо учил их курить, но они начали курить. Он запирался с ними в этой комнате. Мы знаем, что он запирался там с детьми», — рассказывала женщина, работавшая в центре.

Свидетельства очевидцев, задокументированные в фильмах-расследованиях, невозможно смотреть без содрогания. Они рисуют картину такого глубокого падения, такой бесчеловечности, что кажется, будто речь идет не о человеке, а о чудовище из древних мифов. Дети вспоминали, как он избивал их за малейшую провинность.

Один из мальчиков, демонстрируя, как Яхл наносил удары, вспоминал, что если они случайно попадали в людей мячом, Якуб бил их кулаком... по голове. Другой очевидец вспоминал, что Яхл избивал за то, что ребенок обмочился. *На вопрос журналиста к одному из пострадавших детей: «Как ты себя чувствовал, когда он тебя бил?» — спросил журналист, ребенок едва слышно ответил: «Очень плохо».*

Этот страх чувствовался в каждом их слове, в каждом взгляде. «Ты боишься Якуба?» — спросил журналист. «Боюсь», — ответил мальчик.

Виолетта, одна из пострадавших, рассказывала о многократных изнасилованиях, о боли, унижении и страхе, которые она пережила. И это было не просто насилие; это было насилие, совершенное с особой жестокостью, с применением ножа. Представьте себе картину: ребенок, маленький, беззащитный, в чужом, незнакомом ему доме, наедине с человеком, который обещал ему спасение, а вместо этого угрожает холодным лезвием. Это не просто преступление; это акт полного уничтожения детской души, акт, оставляющий навсегда шрамы, которые невозможно залечить.

Но история Виолетты, при всей ее ужасающей глубине, не была единственной. Отец мальчика, не называя имен, из этических соображений, рассказал о том, что Яхл принуждал его сына к копрофагии — отвратительному акту поедания экскрементов — также под угрозой ножа. Какой больной, извращенный ум способен придумать такое? Какое дно должно быть у человеческой психики, чтобы опуститься до подобных деяний? Это не было сексуальное насилие в его привычном

понимании; это был чистый, незамутненный садизм, желание полностью сломить волю жертвы, унижить ее до такой степени, чтобы стереть из нее любое подобие человечности. Этот эпизод — не просто факт, это ярчайшая иллюстрация глубинного, демонического зла, которое обитало в Яхле.

Дети рассказывали также об инъекциях неизвестных веществ, что Якуб брал некоторых мальчиков и уводил их наедине в комнату. У него был рюкзак, и он делал им инъекции, говоря, что это какое-то лекарство.

«Он трогал нас вот так. А сюда он нас колол чем-то острым», — рассказывал один из мальчиков, показывая на руку.

«Колол чем-то острым? То есть он что? Делал вам уколы иглами? Что это были за иглы?» — уточнял журналист.

«Маленькие» — отвечал ребенок.

То есть Яхл, делал детям уколы, утверждая, что это лекарство, и принуждал их к абсолютно извращённым практикам. Свидетели говорят, что Якуб также часто давал детям разные таблетки. Иногда он говорил, что это лекарства, иногда — что это лечение для детей. Но от этих веществ дети становились слабыми и сонными.

Что это, как не попытка полностью подавить волю своих жертв, сделать их послушными и покорными? Он не просто насиловал и издевался; он использовал химические средства для контроля над сознанием детей, превращая их в подобие живых кукол. Это может свидетельствовать о хладнокровном расчете, о преднамеренном желании лишить их способности сопротивляться, кричать, жаловаться. Это был не спонтанный порыв больного человека, а методичная, продуманная тактика хищника.

И когда его чудовищные деяния стали просачиваться наружу, когда начали появляться первые свидетельства, что сделал «благотворитель» Якуб Яхл?

«Конфликт начался так: после того как мы поговорили с Якубом, и сказали ему: "Ты делаешь это и это с нашими детьми, и это плохо для них", — Якуб ответил, что это нормальные вещи», — вспоминал Боб.

Он не стал оправдываться, не пытался исправить ситуацию. Нет, он действовал как настоящий криминальный босс. Поняв, что его разоблачили, Яхл перешел в наступление. Он был главным каналом финансирования для председателя центра, Рамадана, и использовал это как рычаг. Сначала он добился

увольнения Боба. А затем, когда и Рамадан попытался ему противостоять, Яхл привел в действие свой самый страшный план.

Он нанял местную банду. Гангстеры ворвались на территорию центра.

«Ворота были закрыты, но они перелезли через них и вошли внутрь, чтобы делать всё, что им вздумается... Они наказывали людей. Они забрали всё! Именно так: матрасы, коз, кур, швейные машинки, ноутбуки, ксероксы. Но на этом не закончилось. Они также пошли в дом нашего председателя Рамадана, взломали дверь, вошли внутрь и забрали всё, что хотели», — рассказывал один из очевидцев.

Это был акт откровенной мести, попытка замести следы, запугать тех, кто осмелился пойти против него. «Nature and Skills Centre» был полностью разрушен. Его благотворительная миссия оборвалась. Дети, которые находили здесь убежище, снова оказались на улице. Мальчики Абдул и Экзауди, привезенные Яхлом, бесследно исчезли. По свидетельствам, Якуб продолжил издеваться над детьми, но теперь уже в доме, который он снимал в Моши.

Помимо насилия над детьми, свидетельства волонтеров, таких как Рамадан и Модест, указывают на то, что Яхл пытался склонить и взрослых к гомосексуальному контакту. Это расширяет картину его хищнического поведения, показывая, что его похоть не ограничивалась только детьми, но была частью более широкого паттерна использования и эксплуатации любого, кто попадал в его сферу влияния. Его «помощь» была не просто ловушкой, а настоящим домом ужасов, где царили страх, насилие и полное извращение всех моральных норм. И когда этот монстр, убегая от правосудия, спешно покинул Танзанию, он оставил за собой не только разрушенные жизни, но и глубокий след недоверия к любой «благотворительности», приходящей извне.

Судебные фиаско. Столкновение с реальностью

Якуб Яхл бежал из Африки, оставив за собой пепелище разрушенных жизней и невысказанных кошмаров. Он, вероятно, полагал, что его европейский статус, его изворотливость и умение манипулировать позволят ему избежать ответственности. Он, возможно, рассчитывал вернуться домой героем, борцом за правду, жертвой обстоятельств. Но Европа, в отличие от безмолвных африканских трущоб, обладала работающей юридической системой и институтами гражданского общества,

способными дать отпор. Возвращение в цивилизацию не принесло Яхлу статуса спасителя. Напротив, его ложь, тщательно выстраиваемая годами, начала рушиться под давлением фактов и судебных решений, которые, подобно молоту, обрушивались на его тщательно выстроенную репутацию «антикультиста».

Одним из самых знаковых событий стало решение суда по делу Chance4Children, вынесенное в августе 2025 года. Эта организация, занимающаяся помощью госпитализированным и социально незащищенным детям, стала объектом его клеветнических нападок. Что это, если не очередное доказательство его цинизма? Человек, который сам финансировал свои пороки за счет детей, осмелился очернять тех, кто реально занимается благотворительностью. Но суд рассудил иначе. Яхл был обязан отозвать клеветнические видео и принести публичные извинения. Это был не просто юридический вердикт; это было публичное признание его лжи, официальное клеймо, наложенное на его репутацию. Это решение стало первым, но крайне важным звонком, разрушающим ореол его «праведности». Оно показало, что его тактика агрессивной, бездоказательной клеветы, столь успешная в интернете, беспомощна перед лицом правосудия.

Второй удар пришелся со стороны духовной школы йоги «Rezopance». Против нее Яхл также развернул свою привычную кампанию дегуманизации и обвинений в «сектантстве». Но «Rezopance», наученная горьким опытом других жертв антикультистской травли, не промолчала. Она инициировала судебное преследование, подтверждая тем самым, что агрессивные атаки на оппонентов — это не случайность, а его *modus operandi*, его отработанный метод борьбы с любыми инакомыслящими, кто не вписывается в его картину мира или осмеливается критиковать его.

Но, пожалуй, самый сокрушительный удар по его «экспертной» деятельности и любой претензии на объективность нанесла судебно-психологическая экспертиза, проведенная в рамках давнего дела Петра Рунда (2012-2014 гг.). Петр Рунда был заместителем мэра Пльзеня, которого Яхл с соратником обвинили в краже фотоаппарата. Именно тогда, в тиши судебных кабинетов, прозвучал приговор его личности, который поставил под сомнение всю его дальнейшую деятельность. Эксперт-психолог пришла к выводу, что Якуб Яхл склонен преувеличивать, отрицать и искажать действительность. Он ненадежен как свидетель.

Вдумайтесь в это заключение. Это официальный вывод судебного эксперта. «Склонность к искажению действительности». Что может быть более убийственным для человека, который претендует на роль разоблачителя «сект» и «истины»? Он не просто лжец; он человек, чья психика, по мнению специалиста, систематически искажает реальность. Для него нет объективной правды, есть лишь его собственная, выдуманная версия событий. Каким же образом такой человек может быть «экспертом» по чему-либо, кроме собственного патологического мира? Это заключение подрывает каждое его слово, каждое его «разоблачение», каждую его «аналитическую» выкладку. Его антикультовая «экспертность» на деле оказалась не более чем проекцией его собственной неспособности отличить правду от вымысла, а реальность от собственных фантазий.

Яхл никогда не был борцом за справедливость. Это человек с глубокими психическими отклонениями, чьи цели превыше всего и ведут к разрушениям и страданиям людей. И когда эти цели сошлись с идеологией антикультизма, мир получил еще одного из самых опасных извращенцев нашего времени.

Инквизитор XXI века. Проекция собственных грехов

Как человек, который избежал правосудия в Африке за чудовищные преступления, а в Европе был официально признан левым экстремистом, «склонным к искажению действительности» и «ненадежным свидетелем», умудряется строить карьеру «эксперта по сектам»? Ответ прост и ужасающ: он нашел идеальное прикрытие, идеальный механизм психологической проекции. Карьера «антикультиста» стала для Яхла не просто новой маской, а целым бронежилетом, позволяющим ему яростно обвинять других в тех самых грехах (манипуляциях, контроле, эксплуатации, сексуальном насилии), в которых его самого обвиняли десятки свидетелей и судебные органы. Он стал инквизитором XXI века, но не для того, чтобы искоренять ересь, а чтобы легитимизировать собственную патологию, проецируя ее на всех вокруг.

Я тщательно анализировал контент его YouTube-канала «Světová náboženství a sekty» («Мировые религии и секты»). Это был не канал для объективного анализа или научного исследования религий. Это была цифровая трибуна для дегуманизации оппонентов. Яхл мастерски смешивал факты с домыслами, эмоционально заряженные комментарии с откровенной клеветой. Его тактика была отработана до мелочей: взять реальный, пусть и неоднозначный факт,

обернуть его в ворох лжи, добавить щепотку конспирологии и выдать за «разоблачение». Именно так он атаковал научный фонд Science 21 и школу йоги «Rezonnance», используя против них тот же инструментарий, который ранее применял против мормонов или Chance4Children. Портал Manipulatori.cz не зря охарактеризовал его видео как имеющие низкую степень фактической точности. *«Риторика Яхла построена скорее на нападках, чем на фактической аргументации»*, — добавляет сайт. В его мире «факты» были лишь удобными кирпичиками для строительства собственного нарратива.

Но Яхл не был одиночкой. Его деятельность неразрывно связана с международной антикультистской сетью. Связь с такими фигурами, как Александр Дворкин в России, или Стивен Хасан в США, прослеживается не только в общности методологии, но и в общей идеологической платформе. Эти люди, как и Яхл, строят свои «разоблачения» на ненависти, презумпции виновности и полном пренебрежении к правам человека. Его появление в этой среде не случайно; он органично вписался в систему, где травля и шельмование являются нормой. Документальные видео-расследования, показывают, что он не просто подражал их методам, но был активным звеном этой порочной цепи.

Наиболее едко и метко его феномен охарактеризовали чешские СМИ. *Expres.cz*, иронизируя над его трансформацией, подметил, что сатанист, основывавший религиозные общины, теперь с серьезным лицом называет других сектами. Эта фраза, как удар хлыста, обнажает всю абсурдность ситуации. Человек, чья биография — это сплошная череда создания, вступления и разрушения маргинальных групп, кто сам был идеологическим кочевником, экстремистом, основателем общины Сатаны, вдруг превратился в главного борца с «тоталитарными сектами». Разве это не театр абсурда? Разве это не самое откровенное лицемерие, которое только можно представить?

Здесь мы подходим к сердцевине феномена Яхла: психологической проекции. Он яростно обвиняет других в манипуляциях, потому что сам является мастером манипуляции, что было доказано в судах и свидетельствах бывших членов его «общин». Он обвиняет «секты» в контроле над сознанием, потому что сам пытался контролировать умы и волю африканских детей, делая им инъекции неизвестных препаратов. Он обвиняет в сексуальной эксплуатации, потому что сам был чудовищным насильником, о чем свидетельствует Виолетта и другие жертвы. Он проецирует свои собственные, невыносимые для него пороки и преступления на

внешний мир, находит в нем «козлов отпущения», чтобы через их травлю и уничтожение очиститься самому.

Каждое его слово, каждое «разоблачение» — это не борьба за справедливость, а крик его собственной искаленной души, попытка сбросить бремя вины, переложить ответственность. Его антикультистская деятельность — это не крестовый поход, а бегство от самого себя, бегство в мир, где он может быть судьей и палачом, скрываясь за ширмой «общественного блага». В этом мире он, наконец, может быть «святым», уничтожающим «извращенцев», скрывая, что самый страшный из них смотрит на него из зеркала.

Список использованных источников

1. Blog iDNES.cz. (2025, May 6). Falešný humanitární pracovník a jeho děsivé praktiky – Jakub Jahl alias Sobek. <https://www.cerstvezpravy.cz/blog-idnes-cz/falesny-humanitarni-pracovnik-a-jeho-desive-praktiky-jakub-jahl-alias-sobek/>
2. Cemper, J. (2025, May 17). Jakub Jahl: Od bizarního aktivisty k lovcí sekt. Manipulátoři.cz. <https://manipulatori.cz/jakub-jahl-od-bizarniho-aktivisty-k-lovci-sekt/>
3. Český rozhlas (Hergot!). (2022, December 13). Ježíš je stále můj hrdina, říká satanista Jakub Jahl. mujRozhlas. <https://www.mujrozhlas.cz/hergot/jezis-je-stale-muj-hrdina-rika-satanista-jakub-jahl>
4. Dingir – náboženský infoservis. (2021, April 21). Satanova komunita ruší lokální buňky a členskou základnu. <https://info.dingir.cz/2021/04/satanova-komunita-rusi-lokalni-bunky-a-clenskou-zakladnu/>
5. Epoch Times ČR. (2019, December 5). Byl jsem v Satanově komunitě a jsem rád, že jsem pryč, říká její bývalý člen [архив]. Wayback Machine. <https://web.archive.org/web/20200114201635/https://www.epochtimes.cz/2019/12/05/byl-jsem-v-satanove-komunita-a-jsem-rad-ze-jsem-pryc-rika-byvaly-clen/>
6. Jahl, J. (2022). Ďábel v zeleném: Ekologické a environmentální rysy českých satanistů. Lidé města / Urban People, 24(3), 419–442.
7. Lidovky.cz. (2021, January 2). Český satanista v Tanzanii: Jde nám hlavně o osamostatnění Afriky, covid tu neřeší. https://www.lidovky.cz/svet/satanista-v-tanzanii-jde-nam-hlavne-o-osamostatneni-afriky-covid-tu-neresi.A210101_115004_ln_zahranici_lihem
8. Ministerstvo vnitra České republiky. (2012). Zpráva o extremismu a projevech rasismu a xenofobie na území České republiky v roce 2011. Vyhodnocení Koncepce boje proti extremismu pro rok 2011 a Koncepce boje proti extremismu pro rok 2012. Praha: Ministerstvo vnitra ČR. <https://www.mvcr.cz/clanek/extremismus-vyrocní-zpráva-o-extremismu-a-strategie-boje-proti-extremismu.aspx>

9. Ministerstvo vnitra České republiky. (2013). Zpráva o extremismu na území České republiky v roce 2012. Vyhodnocení Koncepce boje proti extremismu pro rok 2012 a Koncepce boje proti extremismu pro rok 2013. Praha: Ministerstvo vnitra ČR. (PDF раздел «Zpráva 2012» доступен со сводной страницы министерства.) <https://www.mvcr.cz/clanek/extremismus-vyrocní-zpravy-o-extremismu-a-strategie-boje-proti-extremismu.aspx>
10. REFRESHER. (2019, June 16). Předseda Satanovy komunity: Ježíš byl satanista, podporujeme práva homosexuálů. Refresher.cz. <https://refresher.cz/66496-Predseda-Satanovy-komunity-Jezis-byl-satanista-podporujeme-prava-homosexuálu>

Глава 5. «Святой» инквизитор. Теневая империя Хорхе Эрдели

«Дьявол не носит Prada. Дьявол носит мантию эксперта по борьбе с дьяволом, пишет диссертации о насилии и получает государственные гранты на «спасение» тех, кого сам же и пожирает» — Из личных заметок автора

29 января 2009 года в Мехико стояло такое утро, когда воздух кажется наэлектризованным предчувствием грозы, хотя небо остается чистым и равнодушным. Федеральная полиция прибыла с рейдом в *Casitas del Sur* — приют, который на бумаге числился образцом христианского милосердия, социальной ответственности и государственно-частного партнерства.

Более 30 полицейских, социальных работников и сотрудников Комиссии по правам человека вошли в два учреждения *Casitas del Sur*, замаскированные под медсестер, чтобы запутать персонал приюта и не допустить паники у детей. Семь сотрудников приюта возражали криками против освобождения несовершеннолетних, из-за чего дети впали в истерику, кричали, плакали, скандировали апокалиптические фразы и обвиняли своих спасителей в коррупции. Дети повторяли такие фразы, как «Здесь существует только всемогущий Бог, и здесь всё заканчивается», что привело чиновников к выводу, что несовершеннолетних подтолкнули к участию в массовом самоубийстве.

Полицейские и социальные работники, многие из которых сами были родителями, застыли в оцепенении. Перед ними были не просто сироты и беспризорники. Перед ними была армия маленьких солдат, чей разум был перепрошит, перекодирован и заперт в невидимой клетке тоталитарной идеологии. Дети сопротивлялись «спасению», видя в спасателях демонов, пришедших забрать их души.

Также была обнаружена сеть из 40 аналогичных приютов, используемых для торговли детьми и распространенных по всей Мексиканской Республике, из которых «исчезли» более 25 несовершеннолетних.

Эти «приюты» для детей были основаны в 2000 году Хорхе Эрдели Грэмом.

Он был «антикультистским» активистам — до 2009 года, когда его имя стало обузой для его бывших соратников. Создавая видимость «защитника верующих и детей, пострадавших от сект», он фактически создал собственную секту как прикрытие для управления сетью торговли детьми, буквально продавая детей для секса и даже органов.

Хорхе Эрдели был не просто членом ICSA (Международной ассоциации по изучению культов, американской организации, выступающей в качестве прикрытия для антирелигиозного движения) и AFF (Американского фонда семьи, прежнее название ICSA), он был членом консультативного совета ICSA и постоянным приглашенным докладчиком на ежегодных конференциях ICSA.

Когда в Мексике начали всплывать истории о пропавших детях и «приютах» под его контролем, он уже успел выстроить себе биографию, удобную для международной сцены. В начале 2000-х он создал собственную ассоциацию с благочестивым названием — Centro de Investigaciones de Instituto Cristiano de Mexico. Писал книги о «новых религиозных движениях», выходил на экран одного из крупнейших телеканалов — Televisa — как «эксперт по сектам». Он выступал, предупреждал, кивал с серьёзным видом, и чиновники подставляли ему микрофон.

Через государственные гранты и программы «защиты семьи» он получил доступ к тому, что интересовало его больше всего, — к детям из групп риска. Муниципальные, региональные, федеральные структуры подписывали соглашения, передавали ему несовершеннолетних, с надеждой что о них позаботятся профессионалы. На бумаге всё выглядело образцово: общественные организации, благотворительные проекты, сотрудничество с государством. На деле — выстраивалась сеть закрытых учреждений, где ребёнок, попав внутрь, исчезал с радаров.

Ключом к легитимности служила Национальная система комплексного развития семьи — DIF, государственное агентство, которое официально курировало приюты, связанные с Эрдели. Журналистка Санхуана Мартинес, расследовавшая эту историю, позже назовёт DIF одним из самых непрозрачных институтов Мексики. DIF выдавал разрешения, подписывал бумаги, переводил детей в «общежития» Эрдели — и, судя по всему, почти не интересовался тем, что с ними происходило дальше.

Там, внутри этих «Casitas», детей ждал не приют, а тотальный контроль. Их день был расписан по минутам: молитвы, «обучение», работа. Они жили в

изоляции от внешнего мира, лишённые документов и прошлой жизни. В книге Санхуаны Мартинес «Se venden niños» описываются показания родителей и выживших: идеологическая обработка, физическое насилие, тяжёлый труд, сексуальная эксплуатация, незаконные усыновления, подозрения в торговле органами. Всё, что обещало защиту, оборачивалось фабрикой по производству безымянных жертв.

Подсчитать число детей, попавших в «приюты» и исчезнувших, сложно, если не невозможно. Многие жертвы были подобраны на улицах без каких-либо документов, удостоверяющих личность, и уж точно не было свидетельства о рождении.

С 2008 года сеть, созданная Эрдели, начала разрушаться изнутри. Когда первые исчезновения несовершеннолетних стали предметом внимания журналистов и прокуратуры, выяснилось, что Casitas del Sur — лишь один элемент гораздо более масштабной структуры. Сообщения о пропаже детей приходили из приютов в Монтеррее, Канкуне и других городах, где действовали учреждения, связанные с теми же управляющими и той же «церковью». Расследования вскоре показали, что география сети выходит далеко за пределы страны: мексиканские СМИ сообщали о создании аналогичных «убежищ» в Европе, Южной Америке и Таиланде.

Параллельно стало очевидно, что сам Эрдели контролировал сеть через посредников. Формально руководили приютами его доверенные лица — Антонио Доминго Паниагуа Эскандон, Сикстио Гарсия Кастанеда и Альберто Бургос Ликона. Но следственные материалы и интервью свидетелей показывали, что ключевые решения принимал именно он. Поэтому, когда в 2009 году давление со стороны прокуратуры усилилось, Эрдели покинул страну. По данным журналистских расследований, он скрывался в Канаде, а затем — в Нью-Йорке, откуда дал интервью El Universal, отрицая обвинения.

В то время его соратники в антикультульной среде предпочли не упоминать его имя. Международная ассоциация по изучению культов (ICSA) быстро удалила все следы его участия — записи на сайте, упоминания в программах конференций, материалы, где он обозначался как член консультативного совета. Исчезновение имени выглядело как попытка дистанцироваться от человека, долгие годы представлявшего организацию как «эксперт». Похожее молчание наблюдалось и в европейской FECRIS, которая, несмотря на заявленные цели предупреждать

государственные структуры о преступлениях, не сделала публичных заявлений по делу, которое напрямую касалось насилия в религиозных учреждениях.

В то время как международные организации избегали публичных комментариев, аресты в самой Мексике начались в более низких звеньях сети. В 2010 году в Испании задержали Антонио Доминго Паниагуа Эскандона, личного секретаря Эрдели. В дальнейшем он был экстрадирован в Мексику, где суд установил, что его роль давала ему доступ к информации о действиях, связанных с торговлей детьми. В 2012 году арестовали Браулиу Вальверде Вильчиса, директора Casitas del Sur, и ещё нескольких сотрудников сети. Но ключевые фигуранты — сам Эрдели и Серхио Умберто Канавати Аюб — оставались недостижимыми.

Тем временем журналисты продолжали расследования. В материалах Санхуаны Мартинес и других репортёров указывалось, что поддержкой сети пользовались отдельные чиновники и сотрудники социальных служб, что объясняет, почему расследование затягивалось годами.

На этом фоне неудобные вопросы начали адресовать не только мексиканским властям, но и международным антикультовым структурам, с которыми был связан Эрдели. Что знала ICSA о своём «эксперте»? Когда именно в организации поняли, что их постоянный докладчик и член совета связан с одним из самых мрачных дел о детских приютах? Почему, говоря о «насильственных церквях» и «опасных культах», они годами обходили молчанием сеть, которая работала под религиозными вывесками и обвинялась в исчезновении детей?

А рядом — FECRIS, европейская федерация «исследований сектантства». На бумаге она обещала предупреждать государственные органы о преступлениях, создавать международные информационные сети, чтобы информировать общество о «пагубных проявлениях сект». На практике в деле Casitas del Sur с их стороны тоже царила тишина. Те, кто критиковал антикультовый активизм, видели в этом молчании не случайность, а закономерность: когда обвинения касаются «чужих» церквей, трафик обвинений идёт по накатанной, но, когда под подозрением оказывается свой «эксперт», система предпочитает не видеть, не слышать, не говорить.

К 2020 году многие дети, исчезнувшие из сети приютов, всё ещё числились пропавшими. Официальные лица всё реже вспоминали их поимённо. Политические циклы сменяли друг друга, бюджеты перераспределялись, чиновники делали карьеру или уходили на пенсию. А вопрос оставался: почему

мексиканская прокуратура так и не довела до конца дело против Хорхе Эрдели Грэма и Серхио Канавати Аюба? Какие силы обеспечили им эту паузу в преследовании? И сколько людей — в государственных ведомствах, религиозных структурах, антикультовых организациях — предпочли отвести глаза в сторону, чтобы не видеть следы, ведущие к собственным конференц-залам и спискам почётных докладчиков?

Эти вопросы, как и сами «Casitas», до сих пор стоят в истории зияющими провалами. В пустоте, которая образуется там, где защитники детей и борцы с сектами и культами й отказываются признать преступления своих представителей. И каждый раз, когда очередной антикультовый эксперт выходит к микрофону с рассказом о «манипуляции сознанием», тень *Casitas del Sur* поднимается из архивов и тихо становится у него за спиной.

Случай Хорхе Эрдели — это не просто криминальная хроника из далекой Мексики. Это зеркало, в которое страшно смотреть всему современному международному антикультистскому движению. Потому что в этом зеркале отражается не дракон, с которым они якобы борются, а их собственное лицо.

«Святой эксперт» превратил государственную систему опеки в частный конвейер по производству рабов, а международное сообщество «борцов с культами» предпочло закрыть глаза на преступления своего звездного коллеги, когда правда всплыла наружу.

Зеркало Дракона. Уроки для Антикультизма

Дело *Casitas del Sur* закончилось трагическим многоточием. Некоторые исполнители сели в тюрьму, но Архитектор остался на свободе и, возможно, продолжая свою деятельность под другим именем.

Но эта история оставила нам урок, который мы не имеем права игнорировать.

История Хорхе Эрдели доказывает, что термин «борьба с сектами» в современном мире является лишь маркетинговой упаковкой. Блестящей оберткой для конкурентной борьбы, для политических репрессий, для удовлетворения личных амбиций психопатов и, как в данном случае, для банального киднеппинга и садизма.

Когда общество дает кому-то абсолютное моральное право определять, кто «святой», а кто «сектант», оно собственными руками создает монстров. Эрдели стал таким монстром, потому что мы — общество, государство, СМИ — позволили ему монополизировать Истину. Он убедил нас, что ради благой цели «защиты детей» можно нарушать законы, разлучать семьи, игнорировать презумпцию невиновности и здравый смысл.

Мы смотрели в его зеркало и видели там страшных сектантов, которых нужно бояться. Но мы не заметили, что это зеркало было односторонним. За ним стоял сам Эрдели, и он смеялся над нами.

Если главный эксперт по сектам целого континента оказался лидером самого страшного культа, кто тогда пишет отчеты для правительств? Кто консультирует суды? Кому вы доверяете своих детей? И не является ли вся индустрия профессионального «антикультизма» гигантской фабрикой по производству таких вот «святых инквизиторов», чья тень падает на жизни невинных людей?

Глава 6. Нерассказанные истории «святых извращенцев» РПЦ

В своих многолетних расследованиях, посвященных деятельности самопровозглашенных «борцов с культами», я усвоил одно: громче всех на охоте кричат те, кому есть что скрывать. Они рисуют мир в примитивных, черно-белых тонах: вот «мы», праведные спасители, а вот «они» — зловещие секты, промывающие мозги и разрушающие души. Но что происходит, когда чудовища оказываются не за воротами крепости, а внутри самого святилища?

В России тоже есть свои хищники, и даже в рясах. Здесь тоже есть изнасилованные алтарники и сломанные судьбы в приютских спальнях. Вместо независимых журналистов-расследователей, которые вытаскивают правду на свет, в России существует мощнейшая, финансируемая государством и благословляемая церковью машина, задача которой — не очищение, а отвлечение.

Имя этой машине — антикультизм.

Лидеры этого движения, Александр Дворкин и его «Российская ассоциация центров изучения религий и сект» (РАЦИРС), создали идеальную дымовую завесу. Они с пеной у рта кричат о «сектах», которые якобы угрожают вашим детям в школах и на улицах. Они рисуют жуткие картины того, как злые протестанты, кришнаиты или мормоны «зомбируют» молодежь. Они создали атмосферу осажденной крепости, где любой, кто не принадлежит к «традиционной» церкви, — потенциальный враг, шпион и извращенец.

Но что происходит, когда настоящий, доказанный судом извращенец оказывается не в «секте», а в самом сердце той самой «традиционной» церкви, которую они защищают? Что происходит, когда педофил носит не оранжевую робу кришнаита, а православную рясу?

Ответ — оглушительная тишина.

Дело №1: «Святой» из Саракташа. История Николая Стремского

Мое погружение в российскую часть этого расследования началось с Николая Стремского, протоиерея из села Саракташ Оренбургской области. В глазах миллионов он был воплощением христианской добродетели, современным Ноем, собравшим под крышей своего ковчега — Свято-Троицкой Симеоновой Обители Милосердия — самое большое в России число приемных детей.

Я помню, как впервые наткнулся на его имя задолго до скандала. Пресса захлебывалась от восторга. «Отец 72 детей», «самый многодетный священник России» — заголовки федеральных газет и телеканалов рисовали образ нестигаемого подвижника, построившего рай на земле, островок спасения для сирот и детей, брошенных родителями. На фотографиях он представал именно таким: седовласый, с окладистой бородой, в массивной золотой цепи с крестом поверх черной рясы. Взгляд — добрый, почти отеческий. Он стоял в окружении десятков детей в одинаковой форме, и эта картина была настолько идеальной, настолько соответствовала архетипу святого старца, что казалась почти нереальной.

Его обитель представляли как образцово-показательное хозяйство. Огромный храмовый комплекс, гимназия, воскресная школа, процветающее подворье. Дети, поющие в церковном хоре, благостные репортажи о том, как вера и труд превращают трудных подростков в достойных граждан. Это была витрина,

идеальная картинка, которую РПЦ и государство с гордостью демонстрировали миру как доказательство возрождения «традиционных ценностей».

Вершиной его триумфа стал 2015 год. В Георгиевском зале Большого Кремлёвского дворца, под сиянием люстр и прицелами телекамер, президент Владимир Путин лично вручил Николаю Стремскому и его супруге высшую награду для многодетных родителей — орден «Родительской славы». Я отыскал запись той церемонии. На кадрах Стремский, облаченный в парадную рясу, стоит рядом с первыми лицами государства, сияя от гордости. Он — символ. Скала. Опора духовных скреп.

Эта скала рассыпалась в прах в сентябре 2019 года, когда в обитель ворвался спецназ. Протоиерея арестовали. Первые сообщения казались немыслимыми, чудовищной ошибкой или провокацией врагов Церкви. Местный митрополит Вениамин поспешил заявить, что это «недоразумение» и что он «знает отца Николая как ревностного пастыря». Но по мере того, как я, преодолевая сопротивление и завесу молчания, начал углубляться в материалы дела, передо мной открывалась бездна, сравнимая с самыми мрачными готическими романами.

Николая Стремского признали виновным по восьми статьям Уголовного кодекса, среди которых изнасилование, насильственные действия сексуального характера и понуждение к ним, развратные действия, истязание, ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию детей, соединенное с жестоким обращением. Также его признали виновным в незаконном обороте спецсредств, предназначенных для скрытого получения информации, и в том, что он систематически спаивал детей.

Потерпевшими по делу проходили одиннадцать его приемных детей. Одиннадцать сломанных судеб. Одиннадцать голосов, прорвавшихся сквозь стену страха. Их показания, которые я читал ночами, были настолько ужасающими, что их было физически больно воспринимать. Это был сухой, канцелярский язык протоколов, но за ним стояли живые, невыносимые страдания.

Судья процитировал показания одной из потерпевших, согласно которым Стремский говорил приемным дочерям: «Вы все мои девочки, я имею право вас трогать и лишать девственности. Пока я вас не лишу, вы не выйдете отсюда». Кроме того, заявил судья, священник мог поцеловать детей в губы при других людях.

Расследование также вскрыло, что его приемная дочь Елена Стрельская и ее муж, водитель обители Виктор Щербаков, были его пособниками.

В ноябре 2021 года 34-летнюю Елену Стремскую, которая работала в обители воспитательницей, осудили по делу о незаконном лишении свободы. По версии обвинения, в августе 2018 года женщина, ее муж Виктор Щербаков и их знакомый Михаил Палачев, применив насилие, закрыли трех младших приемных дочерей священника в гараже и несколько дней удерживали там. Подсудимым дали от трех до четырех лет условно.

Саракташский районный суд Оренбургской области вынес свой вердикт. Николай Стремский был признан виновным и приговорен 21 году лишения свободы в колонии строгого режима.

Сам Стремский до последнего твердил о своей невинности. В своем последнем слове он патетически заявлял, что дело «сфабриковано», «заказано» его врагами и что он страдает за веру.

Именно в этот момент мое расследование приобрело новое, решающее направление. История Стремского была ужасна сама по себе, но она поднимала гораздо более глубокий вопрос. Россия — это страна, где уже три десятилетия действует мощное, поддерживаемое государством и Церковью «антикультистское» движение. Его возглавляет Александр Дворкин. Его организация РАЦИРС позиционирует себя как главный защитник российского общества от «деструктивных тоталитарных сект». Их заявленная, начертанная на их знамени цель — защита людей, особенно детей, от насилия, эксплуатации и психологического манипулирования в религиозных группах.

И вот он, идеальный случай. Не какая-то малоизвестная группа из подвала, а один из самых прославленных священников РПЦ. Не туманные обвинения в «контроле сознания», а доказанные судом факты насилия над детьми. «Обитель Милосердия», построенная на деньги благотворителей и освященная авторитетом Патриархии. Это был не просто тест для РАЦИРС. Это был их Момент Истины.

Где же был Дворкин? Где была РАЦИРС?

Я начал свой цифровой поиск. Методично, день за днем. Я прочесал официальный сайт РАЦИРС вдоль и поперек. Я изучил архив новостей, докладов, заявлений за три года — с момента ареста Стремского до отклонения его

апелляции. Я вбивал в поисковую строку: «Стремский», «Саракташ», «Обитель Милосердия». Результат был нулевым. Абсолютная, стерильная пустота.

Я расширил поиск. Я проанализировал сотни интервью, публичных выступлений и статей самого Александра Дворкина за этот период. Он говорил о чем угодно: о зловещих кознях сайентологов, о вреде йоги и восточных медитаций, о происках неоязычников, о разрушительном влиянии Свидетелей Иеговы, о сектантской Украине. Он клеймил десятки групп, даже целые народы, обвиняя их в разрушении семей и нанесении вреда обществу.

Но о деле Николая Стремского — самом громком, самом позорном, самом чудовищном деле о насилии над детьми в современной истории РПЦ — он не сказал ни слова. Ни осуждения. Ни анализа. Ни предупреждения. Ни простого упоминания.

Это было не просто упущение. Это было оглушительное, звенящее, расчетливое молчание. Главные «охотники на ведьм» в стране вдруг ослепли и оглохли.

Это была моя первая серьезная зацепка. Первая нить, потянув за которую, я начал распутывать клубок чудовищного лицемерия. Охота велась не для защиты детей. «Святой извращенец» в рядах церкви был для них невидим, потому что они сознательно закрыли на него глаза. Он не вписывался в их повествование. Он был неудобной, ужасной правдой, которую нужно было похоронить под горой громких обвинений в адрес других.

Именно тогда я понял: чтобы найти настоящих монстров, иногда нужно смотреть не на тех, кого клеймят, а на тех, кто держит в руках клеймо.

Дело №2: Миссионер на колесах. История Глеба (Андрея) Стребкова

После шокирующей истории Николая Стремского я задался вопросом: был ли он чудовищной аномалией, уникальным монстром, выросшим в отдельно взятой «обители»? Или же он был лишь самой уродливой и заметной верхушкой айсберга? Чтобы найти ответ, я продолжил свое расследование, погружаясь в судебные архивы и новостные ленты, которые большинство предпочитает пролистывать. И я нашел то, что искал. Другие имена, другие лица, другие сломанные жизни. Но узор преступления и последующего замалчивания был до боли знакомым.

Мое внимание привлек священник из Татарстана, Андрей (иногда его называли Глеб) Стребков. В церковных кругах он был фигурой заметной и, можно сказать, прогрессивной. Настоятель Свято-Троицкого храма в городе Заинске, он прославился своим новаторским подходом к миссионерству. Его главным детищем был «храм-автобус» — списанный ПАЗик (советский пассажирский автобус марки PAZ), переоборудованный в передвижную часовню, на которой он колесил по отдалённым деревням. Идея была настолько удачной, что на неё обратили внимание на самом верху. Этот автобус во время своего визита в Татарстан осматривал лично Патриарх Кирилл, что, несомненно, придало Стребкову вес и авторитет. Он был не просто сельским батюшкой, а деятельным, современным пастырем, несущим слово Божье туда, где его давно не слышали.

Но влияние Стребкова не ограничивалось пределами его епархии. В ноябре 2014 года он представлял Альметьевскую епархию на V Всецерковном съезде епархиальных миссионеров в Москве — мероприятии, проходившем в Зале церковных соборов Храма Христа Спасителя под председательством Патриарха Кирилла. Там, среди делегатов, находились ключевые фигуры идеологического крыла современной РПЦ: митрополит Иоанн (Павлов), протоиерей Всеволод Чаплин, редактор журнала «Московской Патриархии» Сергей Чапнин, и — что особенно примечательно — профессор Александр Дворкин, председатель Экспертного совета при Министерстве юстиции и главный «антикультист» страны.

Стребков находился в том же зале, в том же миссионерском кругу, что и Дворкин. Они выступали на одном форуме, представляя одну идеологическую линию Церкви — миссию как инструмент «защиты от сект» и «духовной безопасности».

Но, как я уже успел убедиться, чем ярче сияет фасад, тем гуще тени за ним.

История, которая привела Стребкова на скамью подсудимых, всплыла спустя годы. Жертва, которой на момент совершения преступления было всего 12 лет, нашла в себе силы заговорить уже будучи взрослой. Она была прихожанкой его храма, посещала воскресную школу. Она доверяла ему.

Следствие восстановило картину, от которой кровь стынет в жилах. Преступления совершались в 2012 и 2013 годах. Согласно материалам дела, священник неоднократно совершал насильственные действия сексуального характера в отношении девочки. Это происходило не где-то в темном переулке, а в местах, которые должны были быть самыми безопасными. В палатке во время

летнего церковного лагеря. А позже — в самом здании Свято-Троицкого храма. Место, предназначенное для молитвы и покаяния, стало сценой для грязного насилия.

Сам Стребков, разумеется, всё отрицал. Его линия защиты была классической: это заговор, клевета. Он утверждал, что стал жертвой группы недовольных прихожан, которым не нравилась его активная миссионерская деятельность. Его адвокаты даже размахивали результатами проверки на полиграфе, которая якобы доказала его невиновность. Но суд, изучив доказательства и выслушав показания повзрослевшей жертвы, счёл его вину доказанной.

24 марта 2021 года Альметьевский городской суд вынес приговор.

Вердикт: виновен. Наказание: 13 лет лишения свободы в колонии строгого режима.

И снова, как и в деле Стремского, я задался вопросом: а что же наши неутомимые борцы с «деструктивными культами»? Я снова прочесал все доступные ресурсы РАЦИРС и выступления Александра Дворкина. Полное молчание. Нет ни одного упоминания, ни одного комментария.

Вдумайтесь в это. Священник использует свой авторитет и церковное мероприятие (молодёжный лагерь), чтобы надругаться над ребёнком. Это прямое определение «деструктивной деятельности», злоупотребления властью и нарушения прав человека — те самые критерии, которые Дворкин применяет к любой неудобной религиозной группе. Но когда преступником оказывается «свой», система даёт сбой. Охотник делает вид, что не заметил добычу.

Молчание РАЦИРС по делу Стребкова — это не просто игнорирование. Это соучастие. Это демонстрация того, что их миссия — не защита общества, а защита корпоративных интересов РПЦ и атака на её конкурентов. Девочка из Заинска, чья жизнь была искалечена человеком в рясе, в их систему координат просто не вписалась. Она была неудобной жертвой.

Дело №3: Заграничный вояж. История игумена Христофора (Вахабова)

Третий случай в этой череде доказательств перенес меня за тысячи километров от России, в Австралию. Он показал, что проблема не ограничивается

границами РФ, а распространяется по всему миру, где есть структуры Русской православной церкви.

Игумен Христофор, в миру Станислав Вахабов, был клириком Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ), которая находится в общении с Московским Патриархатом. На момент совершения преступления он служил настоятелем храма Всех Русских Святых в Кройдоне, пригороде Сиднея.

Преступление произошло летом 2014 года. К игумену на каникулы приехал подросток из белорусского города Брест. Поездка в далекую, солнечную Австралию под опекой священнослужителя должна была стать для юноши приключением. Она обернулась кошмаром. Игумен Христофор совершил в отношении гостя развратные действия.

В отличие от России, где подобные процессы нередко затягиваются или остаются малоизвестными широкой публике, в Австралии в данном случае судебная система отреагировала оперативно и довела дело до приговора. После того как обвинения были выдвинуты, Вахабова немедленно отстранили от служения. Начался судебный процесс.

В феврале 2018 года Окружной суд Сиднея вынес свой вердикт.

- Вердикт: Признан виновным в сексуальном домогательстве к несовершеннолетнему.
- Последствия: Помимо судимости, его виза была аннулирована, и еще до вынесения окончательного приговора он провел пять месяцев в тюрьме и некоторое время в лагерях для мигрантов. Он был навсегда лишен права служить в церкви.

Дело Вахабова, хоть и произошло в полуавтономной ветви РПЦ, дополнило общую картину. И снова я вернулся к своему главному вопросу. РАЦИРС и лично Дворкин часто комментируют международные религиозные события, клеймят «секты» по всему миру, от США до Японии. Их амбиции глобальны. Но что насчет этого случая?

Вывод был предсказуем: снова полное, гробовое молчание. Никаких комментариев по поводу осужденного за педофилию игумена, бросившего тень на весь «русский православный мир» за рубежом.

И это молчание особенно звучит на фоне того, что задолго до австралийских событий Христофор (Вахабов) находился в тесном окружении самого Александра Дворкина. В апреле–мае 2011 года, во время официального визита Дворкина в Приднестровье, именно игумен Христофор сопровождал его во всех мероприятиях — от встреч с руководством республики и выступлений в Приднестровском госуниверситете до религиозных собраний в Тирасполе и Бендерах. По сообщениям пресс-службы Тираспольско-Дубоссарской епархии, Вахабов в тот период занимал должность пресс-секретаря епархии и участвовал в организации визита.

Таким образом, фигура Вахабова не была периферийной: он входил в ближайший круг тех, кто формировал антикультовую повестку на постсоветском пространстве под эгидой РПЦ и лично Дворкина. И именно этот человек впоследствии оказался осужден за сексуальные преступления против несовершеннолетнего — но антикультовые структуры предпочли не заметить ни этого факта, ни своей прежней близости к нему.

Дело №4: Волк в школьном классе. История Николая Бабуры

Если дела Стремского и Стребкова кажутся вам «преданьями старины глубокой», то история Николая Бабуры переносит нас в обжигающее настоящее, в лето 2025 года. Это дело — последний, недостающий элемент пазла, который окончательно срывает маски с антикультистов. Оно показывает, что система не просто «давала сбои» в прошлом. Она продолжает генерировать и покрывать монстров прямо сейчас.

Сибирь. Омск. Город, где зимы долгие, а нравы суровые. Это регион, где влияние Церкви и антисектантских инициатив заметно переплетены. Омская епархия активно работает в антикультовой повестке: сюда неоднократно приезжал с лекциями Александр Дворкин, здесь звучат голоса и сибирского «силового» антикультизма, с которым ассоциируется протоиерей Александр Новопашин из соседнего Новосибирска.

Агент системы. Идеальный функционер

Николай Бабура (иногда упоминается как Баруба) был идеальным винтиком этой машины. Молодой, энергичный священник, настоятель храма

Нерукотворного Образа Спасителя. Бывший артист балета и тележурналист, он умел подать себя, знал, как работать на камеру и как улыбаться чиновникам. Инвалидность по слуху (он родился без одной барабанной перепонки) не мешала ему быть блестящим коммуникатором.

Но главное — он был глубоко интегрирован в систему ОРОК (Отдел религиозного образования и катехизации) Омской епархии. Для американского читателя эта аббревиатура — ОРОК — ничего не значит, но в архитектуре российской «духовной власти» это ключевой узел. Это та самая дверь, через которую Церковь заходит в государственные школы. Это департамент, который решает, кто имеет право говорить с вашими детьми о морали.

Бабура курировал сектор по работе с общеобразовательными школами. Он был тем самым «легальным сталкером» в мире детства, имевшим мандат на вход в любой класс. Пока Александр Дворкин и его коллеги из РАЦИРС пугали родителей тем, что «сектанты вербуют детей в школах», их собственный человек, часть их вертикали, уже находился внутри периметра.

В интернете до сих пор можно найти следы его активности: фотоотчеты с «Рождественских чтений», кадры, где отец Николай, высокий, статный, возвышается над классом школьников, рассказывая им о «духовно-нравственных ценностях». Он был воплощением той самой «традиционной» безопасности, которую антикультисты защищают с пеной у рта.

Бабура был частью той же кровеносной системы, что и Александр Новопашин — «главный борец с сектами» Сибири. Если Дворкин — теоретик, то Новопашин — практик, известный своими боевиками о вреде сект и спецназовской риторикой. Омский миссионерский отдел регулярно проводил обучения по методичкам Синодального отдела, где царят эти идеи. Бабура был интегрирован в эту вертикаль. Он был «своим».

Преступление. Алтарь как ловушка

Пока антикультисты зачищали поле от конкурентов, выгоняя из школ психологов и представителей других конфессий, Николай Бабура действовал.

Его жертвой стал 12-летний мальчик, алтарник в его храме. Схема была чудовищной в своей простоте и цинизме. Бабура использовал доверие родителей. Он предлагал, чтобы мальчик оставался у него ночевать, якобы для того, чтобы

рано утром вместе идти на службу. «Так удобнее, не надо вставать в пять утра», — говорил он матери. Религиозный трепет ребенка и авторитет священника стали идеальным капканом.

За закрытыми дверями дома настоятеля происходило растление. И это был не единичный срыв. Следствие установило, что Бабура был серийным хищником: он также вел интимную переписку с другим подростком, обменивался порнографическими материалами. Он создал свою маленькую, закрытую секту из двух человек, где гуру был он сам, а адептом — беззащитный ребенок.

9 июля 2025 года Советский районный суд Омска поставил точку в его карьере: 9 лет колонии строгого режима за насильственные действия сексуального характера. Позже, после апелляции, срок был незначительно снижен до 8 лет, но суть осталась прежней: «педагог от Бога» оказался педофилом.

Лицемерие. Где же вы, спасатели?

А теперь зададим главный вопрос: как отреагировала система Дворкина и Новопашина?

Омск — зона особого внимания антикультистов. В марте 2018 года Александр Дворкин лично приезжал сюда с лекционным туром, собирая полные залы учителей и священников. Он учил их распознавать «волков в овечьих шкурах». Он говорил, что только Православие — безопасная гавань.

Когда арестовали Бабуру — человека, который официально отвечал за работу со школами в этой самой епархии, человека из их же структуры ОРОК, — мы не услышали ни слова осуждения.

Протоиерей Новопашин, который готов поднять вселенский скандал, если в каком-нибудь протестантском ребцентре найдут просроченную тушенку, промолчал о педофиле в рясе, работавшем в соседней епархии. Александр Дворкин, который называет любой кружок йоги «деструктивным культом», не выпустил ни одного пресс-релиза о том, что в структуре, которую он идеологически окормляет, работал насильник детей.

Более того, Омская епархия повела себя ровно так, как ведут себя «деструктивные культы» в описании самого Дворкина. Информация о Бабуре была тихо зачищена с сайтов. Запрет в служении был оформлен так, чтобы не привлекать

внимания. Жена Бабуры, Анастасия, начала кампанию в его защиту, утверждая, что дело сфабриковано (классическая тактика отрицания), и даже писала письма Патриарху. Система сомкнула ряды. «Святой извращенец» оказался под защитой корпоративной этики.

История Николая Бабуры — это приговор всему российскому антикультизму. Эти люди требуют монополии на доступ в школы. Они выгоняют оттуда всех «чужих», клеймя их сектантами. Они зачищают поле. И на это зачищенное поле они запускают таких, как Бабура.

Анализ. Архитектура Лжи

Эти четыре дела — Стремский, Стребков, Вахабов и Бабура — не случайные аномалии. Это закономерный результат работы системы, которую я называю «Доктриной отвлечения внимания».

Анализируя эти истории, мы видим четкий, повторяющийся паттерн:

- **Монополия на мораль:** РАЦИРС и Дворкин убедили государство и общество, что только они знают, кто «хороший», а кто «плохой». Они присвоили себе право выдавать сертификаты «духовной безопасности».
- **Создание Внешнего Врага:** Чтобы оправдать свое существование и финансирование, они создают образ ужасного «сектанта». Это пугало, которым они машут перед носом у напуганных граждан.
- **Слепая Зона:** Создавая оглушительный шум вокруг вымышленных или преувеличенных угроз (йога, медитация, «психокульты»), они намеренно создают зону абсолютной тишины вокруг реальных преступлений внутри своей корпорации.

Антикультизм в России — это не защита детей. Это защита системы влияния и контроля.

Николай Бабура мог годами работать с детьми, потому что у него был «знак качества» от системы — правильная ряса и правильная риторика. Его никто не проверял, потому что он был «своим». В то же время любой протестантский пастор, любой волонтер, любой учитель, не связанный с системой РПЦ-РАЦИРС, находится под микроскопом.

Это система двойных стандартов, оплаченная сломанными детскими судьбами.

В Америке *Boy Scouts of America* заплатили миллиарды долларов компенсаций и прошли через болезненный процесс реформ, когда правда вскрылась. Католическая церковь, хоть и сопротивлялась, была вынуждена признать вину. В России «борцы с сектами» делают все, чтобы правда никогда не вышла наружу, а если она выходит — как в случае с Бабурой или Стремским — они просто отворачиваются, делают вид, что ничего не произошло, и продолжают кричать о «вреде медитации».

Часть II. Анатомия Ненависти

«Меняются времена и декорации, но суть остается неизменной: охота на ведьм. Только теперь ее называют «борьбой с деструктивными культами». Инквизиторы сменили рясы на пиджаки, а пыточные подвалы — на телестудии и залы судебных заседаний. Но их цель та же: уничтожить инакомыслие, испепелить свободу вероисповедания» — Из рабочих записей автора

Глава 7. Анатомия «Спасителя»: Паттерн «Святого» Извращенца

Проведя месяцы вглядываясь в дела Якуба Яхла, Грегори Доу и Николая Стремского, я начал замечать, что смотрю не на три разные истории, а на три вариации одной и той же партитуры. Менялись инструменты — где-то это была ряса православного священника, где-то — Библия американского миссионера, где-то — удостоверение чешского «эксперта по культам». Менялись декорации — африканские труппы или российская глубинка. Но мелодия была до ужаса знакомой. Это была мелодия абсолютной власти, замаскированной под абсолютную добродетель.

Я назвал этот повторяющийся узор «паттерном Святого Извращенца». Этот термин — не просто броская фраза. Это аналитическая модель, описывающая психологический и поведенческий профиль хищника, использующего моральный авторитет как камуфляж. Чтобы понять, как работает этот механизм, нужно разобрать его на составляющие: Маску, Охотничьи Угодья и Внутреннего Демона.

Искусство морального камуфляжа

Первое и главное, что объединяет всех фигурантов моего расследования, — это мастерское владение искусством маскировки. Они не приходят с табличкой «Я — монстр». Они приходят с нимбом над головой. Их маска — это всегда роль, которая в данном обществе вызывает максимальное доверие и минимум вопросов.

Грегори Доу выбрал маску «Христианского Миссионера». В Кении, как и во многих частях Африки, человек с Библией в руках, говорящий от имени Бога, особенно если он белый, воспринимается как носитель высшей истины и благодетель по определению. Его статус «папы» для сирот давал ему не просто авторитет, а сакральную, почти неоспоримую власть. Кто осмелится усомниться в человеке, который «спасает души»?

Николай Стремский носил маску «Святого Старца», «подвижника». В современной России, с ее культом «духовных скреп», образ многодетного батюшки, возродившего обитель и спасшего десятки сирот, был идеальным. Он стал живой иконой, витриной «правильного» православия. Государство наградило его орденом, пресса пела ему дифирамбы. Его маска была настолько прочной, что даже после ареста многие, включая его митрополита, отказывались верить в обвинения, называя их «недоразумением».

Якуб Яхл выбрал самую современную и, возможно, самую коварную маску — маску «Борца с Культами», гуманитарного волонтера. Он не апеллировал к Богу; он апеллировал к науке и общественной безопасности. Он — «эксперт», защищающий общество от «промывания мозгов» и «деструктивного влияния». Эта маска особенно эффективна в секулярном европейском обществе, где страх перед «сектами» заменил средневековый страх перед ересью. В Танзании он дополнил ее личиной благотворителя, «спасающего» детей от нищеты.

Даже в более неоднозначном замбийском деле с хорватскими усыновителями мы видим ту же механику. Ноа Кралевич был не просто усыновителем; он был «Правозащитником», ЛГБТ-активистом. Эта маска — это не просто прикрытие. Это ключ, открывающий доступ к ресурсам: к деньгам доверчивых спонсоров, к детям из неблагополучных семей, и, самое главное, — к кредиту общественного доверия, который позволяет хищнику действовать годами, оставаясь вне подозрений.

География безнаказанности

Хищнику нужны не только маска, но и подходящая среда обитания. И Доу, и Яхл инстинктивно нашли идеальные «охотничьи угодья» — места, где их власть была бы максимальной, а контроль — минимальным. Африка для них стала именно таким местом. Почему?

1. Постколониальный синдром и авторитет «мзунгу». Несмотря на десятилетия независимости, в сознании многих жителей беднейших африканских регионов белый человек (мзунгу) все еще ассоциируется с богатством, властью и помощью. Доверие к нему априори выше, чем к местным властям или соотечественникам. Этим цинично пользовались и Доу, и Ял. Никому в голову не приходило проверять их прошлое.

2. Крайняя уязвимость жертв. Нищета, болезни, сиротство, отсутствие социальных служб — все это делает детей абсолютно беззащитными. Родители, отдающие ребенка в приют к белому миссионеру, делают это не от хорошей жизни, а в отчаянной надежде дать ему шанс на выживание. Они не в том положении, чтобы задавать вопросы или ставить условия. Как сказала бабушка погибшего в приюте Доу мальчика: «Я позволила своей дочери отдать внуков белому человеку из-за бедности». Этой фразой сказано все.

3. Слабость государственных институтов. Коррупция, нехватка ресурсов, низкая квалификация полиции и социальных работников — все это создает среду практически полной безнаказанности. Яхл на протяжении долгого времени совершал свои преступления в Моши, и, несмотря на жалобы, полиция не действовала. Доу успел сбежать из Кении за несколько часов до того, как его пришли арестовывать. «Святые извращенцы» прекрасно знают, что в таких условиях риск быть пойманным и наказанным минимален.

Анализируя эти случаи, я понял, что это не просто «помощь Африке». Это новая, уродливая форма колониализма — колониализм благотворительности. Западные «спасители» едут в Африку не для того, чтобы решать ее проблемы, а для того, чтобы решать свои. Для кого-то это мечта о родительстве в обход строгих законов у себя на родине (замбийский случай). А для кого-то — возможность безнаказанно удовлетворять свои самые темные и преступные желания. Африка становится для них гигантским Диснейлендом для взрослых, где за деньги можно купить все: детей, молчание полиции, иллюзию собственной святости.

Николай Стремский нашел свои «охотничьи угодья» не в Африке, а в России, но действовал по той же схеме. Его «Обитель Милосердия» в глухом оренбургском селе стала его личным, изолированным от внешнего мира феодальным владением. Он был там царем и богом. Дети-сироты, полностью зависимые от него, и коррумпированные местные власти, получавшие от него «пожертвования»,

создали для него такую же зону безнаказанности, как и африканская глубинка для Доу и Яхла.

«Святой извращенец» всегда ищет место, где он может стать единственным источником власти, закона и морали для своих жертв.

Психология проекции и жажда власти

Что же движет этими людьми? Зачем им все это? В основе их действий — преступное насилие. Помимо сексуальной мотивации или корысти, его усугубляют искажения личности — в частности патологический нарциссизм и другие психологические отклонения.

Грегори Доу и Николай Стремский — это классические примеры хищников, которые прячут свою гнилую сущность за самой благочестивой из масок. Их религия — это не вера, а инструмент. Они оба создали вокруг себя культ личности, где они — «папа», «батюшка», непререкаемый авторитет. Их нарциссизм требовал абсолютного обожания и подчинения. А сексуальное насилие над беззащитными детьми было высшей формой демонстрации своей власти, полного и тотального контроля над другим человеком. Тот факт, что Доу уже был осужден за сексуальное насилие в США, говорит о том, что это была не случайность, а укоренившаяся патология. Он не «стал» монстром в Кении, он приехал туда уже будучи им, просто найдя более безопасное место для охоты.

Но случай Якуба Яхла — самый интересный с аналитической точки зрения. Он не просто хищник, он — хищник-идеолог. Его «борьба с куклами» — это не просто маска. Это квинтэссенция его психологии. В психоанализе есть понятие проекции — защитного механизма, при котором человек приписывает собственные неприемлемые мысли, чувства и мотивы другим людям. Якуб Яхл — это ходячая иллюстрация этого механизма.

Давайте посмотрим на обвинения, которые антикультисты обычно выдвигают против «сект»:

- Авторитарный лидер, требующий беспрекословного подчинения.
- Психологические манипуляции и «контроль сознания».
- Сексуальная эксплуатация членов группы.
- Финансовая эксплуатация, выкачивание денег.

- Изоляция от внешнего мира.

А теперь посмотрим на действия самого Яхла в Танзании:

- Он установил абсолютную авторитарную власть над детьми, угрожая им.
- Он использовал психологические манипуляции и химические препараты, чтобы контролировать сознание и волю детей.
- Он систематически подвергал их сексуальной эксплуатации в самых извращенных формах.
- Он занимался финансовой эксплуатацией, выкачивая деньги у спонсоров под предлогом помощи детям.
- Он изолировал детей в своей комнате, подвергая их насилию.

Яхл на практике реализовал все то, в чем он на словах обвинял «культы». Его антикультизм был не просто прикрытием. Это было зеркало, в котором он видел других, не осознавая, что смотрит на собственное отражение.

Этот механизм проекции — ключ к пониманию всего антикультистского движения. Его лидер, Александр Дворкин, постоянно говорит об «опасности» и «социальном вреде» религиозных меньшинств. Но, как мы увидели в предыдущей главе, он и его организация РАЦИРС годами хранили молчание о чудовищных, доказанных судом преступлениях в рядах их собственной церкви. Они проецируют грехи своей системы на «чужих», чтобы сохранить иллюзию собственной чистоты.

Именно поэтому Якуб Яхл не аномалия, а закономерный, продукт антикультистской идеологии. Эта идеология учит делить мир на черное и белое, на «нас» (праведников) и «них» (сектантов, врагов). Она отключает критическое мышление и дает моральное право на ненависть и насилие по отношению к «другим». Она привлекает людей с нарциссическими и садистскими наклонностями, давая им идеальную платформу для реализации своих комплексов под видом общественно полезной деятельности.

Узор очевиден. «Святой извращенец» — это человек, который построил свою патологию в систему морального превосходства. Он не может существовать без своей маски, без своих «охотничьих угодий» и, самое главное, без идеологии, которая оправдывает его право на власть.

Именно поэтому борьба с такими, как Яхл или Доу, — это не просто работа для полиции. Это борьба с идеологией, которая их порождает. Идеологией, которая под

видом защиты от «культов» сама становится самым опасным и деструктивным культом из всех — культом ненависти. Чтобы понять, как этот культ устроен, нам нужно вскрыть его тексты — проанализировать риторику и язык, на котором говорят его адепты.

Глава 8. Язык Ненависти: Вскрытие антикультовой доктрины

Когда я начинал это расследование, я думал, что антикультизм — это некая форма общественного контроля, пусть и радикальная. Я представлял себе обеспокоенных родителей, растерянных психологов, священников, защищающих свою паству. Я ошибался. Погрузившись в материалы, выступления и «экспертные заключения» лидеров этого движения, я понял, что имею дело не с диалогом и не с исследованием. Я имею дело с военной доктриной. С набором идеологических установок и речевых приемов, разработанных не для того, чтобы понять, а для того, чтобы уничтожить.

Язык антикультистов — это не язык науки. Это язык войны. Он не описывает реальность, он ее конструирует, создавая образ врага, которого необходимо изолировать, обезвредить и, в конечном счете, искоренить. Чтобы понять, как это движение представляет угрозу для демократии, мы должны сначала препарировать его язык. Мы должны увидеть, как слова превращаются в оружие.

За годы своего расследования я собрал целую библиотеку цитат — из книг Александра Дворкина, с сайтов его последователей, из интервью с «экспертами». В этой главе я проведу лингвистический и идеологический анализ этих текстов, сопоставляя их с оценками настоящих ученых — социологов, религиоведов и правозащитников.

Оружие №1: Клеймо «тоталитарной секты»

Краеугольный камень всей доктрины — термин «тоталитарная секта». Его популяризировал в России именно Александр Дворкин, и это был гениальный с точки зрения пропаганды ход. Слово «секта» само по себе несет негативную

коннотацию, но оно остается в рамках религиозной полемики. Добавив к нему прилагательное «тоталитарная», Дворкин вывел дискуссию из сферы религии в сферу политики и уголовного права. Он провел прямую параллель с тоталитарными режимами XX века — нацизмом и сталинизмом. Любая группа, получившая такое клеймо, автоматически становилась не просто «неправильно верующей», а общественно опасной, угрожающей основам государства и личности.

Сам Дворкин дает такое определение:

«Для тоталитарных сект характерны пять признаков: обман при вербовке, манипуляция сознанием своих членов, регламентация всех аспектов их жизни, их эксплуатация, а также абсолютизация лидера или самой организации».

На первый взгляд, все выглядит логично. Но, как отмечают религиоведы, дьявол кроется в деталях. Каждый из этих признаков настолько расплывчат, что его можно применить к огромному числу организаций, не только религиозных.

- «Обман при вербовке»: Любая реклама, любое собеседование на работу, любая политическая агитация, умолчание или приукрашение, могут быть расценены как обман с целью вербовки. Где граница?
- «Манипулирование сознанием»: Сюда по антикультовым критериям легко можно отнести любую проповедь, сеанс психотерапии или лекцию.
- «Регуляция жизни» и «Эксплуатация»: Означает ли это бесплатный труд волонтеров в благотворительной организации? Или вот еще примеры, которые формально подпадают под этот критерий: монастырский устав, армейская дисциплина, распорядок в спортивном интернате, корпоративные кодексы поведения, правила проживания в общежитии.
- «Абсолютизация лидера»: Харизматичный политик, гуру в бизнесе, почитаемый основатель династии. Получается по данному признаку многие могут попасть под подозрение

Российский религиовед Игорь Кантеров точно подметил разницу:

«Принципиальное отличие светских школ религиоведов от тех, кто участвует в антикультовых движениях, заключается в том, что мы — представители светского религиоведения и наши зарубежные коллеги — работаем в прямых контактах с объектом исследования. Наша цель понять их, прежде чем вынести суждение. В то

время как главная цель представителей антикультистского движения — осудить и подыскать более шумные термины, понятия для их обличения».

Термин «тоталитарная секта» — это не научный инструмент, а идеологическое клеймо. Это «желтая звезда», которую антикультисты вешают на любую неудобную группу, чтобы вывести ее за рамки правового поля и общественного диалога. Как только на группу повешен этот ярлык, с ней больше не нужно разговаривать, ее не нужно понимать. Ее нужно «обезвредить».

Оружие №2: Псевдонаучный миф о «промыывании мозгов»

Чтобы оправдать необходимость «обезвреживания», антикультистам нужен был механизм, объясняющий, как нормальные люди попадают в «секты». Таким механизмом стал псевдонаучный миф о «промыывании мозгов» или «контроле сознания». Эту концепцию Дворкин также импортировал из США, от американских антикультистов 1970-х годов.

Суть мифа проста: «секты» обладают некими таинственными, неотразимыми техниками, которые позволяют им полностью подчинять себе волю человека, превращая его в зомби или робота. Человек, попавший в секту, якобы теряет способность критически мыслить и самостоятельно принимать решения. Он больше не личность, а объект манипуляции.

Эта теория чрезвычайно удобна по нескольким причинам:

1. Она снимает ответственность с самого верующего. Он не «выбрал» эту веру, его «завербовали» и «зазомбировали».
2. Она дает родственникам простое объяснение сложного психологического процесса — обращения человека в новую веру, которое они не могут или не хотят принять.
3. Она оправдывает насилие. Если человек — «зомби», то его нужно «лечить», даже против его воли. Это создает идеологическую базу для практики «депрограммирования».

Именно здесь мы подходим к самой отвратительной части антикультистской доктрины. Российский «депрограммер» Валерий Приходько, ранее осужденный за преступление, повлекшее смерть человека и отсидевший срок, на сайте возглавляемой им МОО «Центр содействия государству в противодействии

экстремистской деятельности» (фактически антисектантского центра) давал поразительно откровенное описание этого процесса:

«Суть депрограммирования заключена в физико-психологическом и эмоциональном воздействии на человека, находящегося в религиозной или другой психологической зависимости, с тем, чтобы заставить его отказаться от новоприобретённой системы ценностей... Депрограммирование может длиться днями, а иногда и неделями, до тех пор, пока человек... не проявит признаки резкого психологического перелома и освобождения от контроля сознания религиозной или другой психологической зависимости».

Прочитайте это еще раз. «Физическое воздействие», «психологический срыв». Это не описание терапии. Это описание пытки. Депрограммирование, практиковавшееся на Западе и в России, часто включало в себя похищение человека, незаконное лишение свободы, психологическое давление, лишение сна и еды. И все это под видом «спасения». Неудивительно, что правозащитные организации, такие как ACLU и Human Rights Watch, осудили эту практику как грубейшее нарушение прав человека.

Но самое главное — теория «промывания мозгов» является псевдонаучной. Миф о «промывании мозгов» — крайне важен для антикультовой сети. Он дегуманизирует верующих, превращая их из субъектов права в недееспособные объекты, которых можно «спасать» насильно. Это возвращает нас прямоком во времена инквизиции, когда еретиков пытали «для спасения их бессмертной души».

Оружие №3: Язык дегуманизации и войны

Проанализировав деятельность Дворкина и его последователей, я выделил несколько ключевых речевых стратегий, которые они используют для дегуманизации своих оппонентов.

- Медицинские метафоры (патологизация): «Секты» сравниваются с болезнью. Это «раковая опухоль на теле общества». Верующие — это «больные», «зараженные». Эта риторика очень эффективна: с болезнью не спорят, ее лечат или вырезают. Это выводит оппонента из поля рациональной дискуссии.
- Криминальные метафоры: Дворкин регулярно заявляет, что секта — это как преступность. Соответственно, члены «сект» — это «преступники» или

«соучастники». Это переводит разговор в плоскость уголовного кодекса и создает презумпцию виновности.

- **Военная лексика:** Антикультисты постоянно используют язык войны. Они ведут «борьбу», «противостояние», отражают «угрозы». Сам Дворкин говорит: «Я борюсь с сектами ради сектантов». Это риторика крестоносца, который несет «свет» дикарям на острие меча. Война предполагает наличие врага, которого нужно победить, а не оппонента, с которым можно договориться.
- **Демонизация:** В лексиконе антикультистов часто встречаются слова «зло», «демоны», «сатанизм». Это самый примитивный, но и самый действенный способ дегуманизации. Он апеллирует к глубинным, архаичным страхам. Если твой оппонент — слуга дьявола, то любые средства в борьбе с ним хороши.

Этот язык ненависти не остается просто словами. Он просачивается в общество, отравляя его. Он формирует общественное мнение, влияет на решения чиновников, судей, полицейских. Он создает атмосферу страха и нетерпимости, в которой насилие по отношению к «сектанту» становится не только возможным, но и одобряемым.

Именно этот язык позволил немецкому антикультисту Фридриху-Вильгельму Хааку, идейному предшественнику многих современных «борцов», заявить:

«Если мы правильно понимаем нашу веру, у нас нет права позволять «другим» продолжать верить в свое...»

Такие формулировки не остаются без последствий: они легко превращаются в оправдание травли и даже насилия против религиозных меньшинств. Слова убивают.

Экспертный вердикт

Мои выводы — это не просто мои личные догадки. Они полностью подтверждаются оценками авторитетных международных экспертов и организаций.

- Комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF) в 2020 году назвала антикультистскую идеологию серьезной угрозой международной свободе вероисповедания.
- Раффаэлла Ди Марцио, директор итальянского Центра исследований свободы вероисповедания (LIREC), говорит о «росте нетерпимости, дискриминации и преследования религиозных меньшинств в Европе и по всему миру», подпитываемом антикультистской риторикой.
- Массимо Интровинье, один из ведущих социологов религии, отмечает, что большинство исследователей новых религиозных движений относятся к антикультовой идеологии критически: они не принимают тезисы о «промывании мозгов» и тенденцию рассматривать НРД как опасные «культы». На этом фоне классическое «сектоведение» в антикультовом ключе оказывается на академической периферии — небольшой и спорной областью, чьи исходные предпосылки многие учёные считают предвзятыми.

Язык антикультистов — деструктивен по своей природе. Он отравляет общественный диалог, разрушает презумпцию невиновности и подрывает фундаментальные права человека. Он создает идеологическую основу для преступлений — как для «депрограммирования» верующих, так и для тех ужасов, которые творил Якуб Яхл в Танзании, который прикрываясь благими речами совершал чудовищные преступления.

Но, как показало расследование, эта война ведется не ради спасения душ. Она ведется ради вполне земных целей. Чтобы понять, ради чего на самом деле была создана эта дымовая завеса из «тоталитарных сект» и «промывания мозгов», нам нужно заглянуть за кулисы — в святая святых главного антикультистского центра России.

Глава 9. РПЦ, РАЦИРС и системное лицемерие

В ходе любого расследования наступает момент, когда разрозненные улики складываются в единую картину, и ты задаешь главный вопрос: Кому выгодно?

Я проанализировал психологию «извращенцев» и вскрыл их язык ненависти. Я увидел, как антикультистская идеология дегуманизирует людей и оправдывает

насилие. Но все это время в воздухе висел вопрос: почему это движение, зародившееся в маргинальных кругах, получило в России такую мощную поддержку? Зачем самой большой и влиятельной религиозной организации страны — Русской Православной Церкви — понадобился такой сомнительный союзник, как Александр Дворкин, с его импортированными псевдонаучными теориями?

Ответ пришел ко мне, когда я сопоставил два потока информации: оглушительную, яростную кампанию РАЦИРС против «сект» и гробовое, ледяное молчание этой же организации по поводу чудовищных преступлений, совершенных в лоне самой РПЦ. Именно на этом стыке шума и тишины и обнажилась еще одна цель антикультистского проекта, которую я назвал «Доктриной отвлечения внимания».

Оглушительное молчание. Тест на Стремском

Как я уже подробно описал в четвертой главе, дело протоиерея Николая Стремского стало для меня моментом истины. Напомню ключевые факты:

- **Фигура:** Один из самых прославленных священников РПЦ, «отец 72 детей», награжденный лично Путиным орденом «Родительская слава». Символ церковного возрождения.
- **Преступление:** Признан судом виновным в систематических изнасилованиях, пытках и истязаниях одиннадцати приемных детей на протяжении десятилетия.
- **Приговор:** 21 год колонии строгого режима.

Это был не просто скандал. Это было землетрясение, которое должно было потрясти основы РПЦ. Это был идеальный, хрестоматийный случай для организации, которая называет своей целью защиту общества, и в особенности детей, от насилия и эксплуатации в религиозных группах. Все признаки «деструктивного культа», которые Дворкин приписывает другим, были здесь налицо: абсолютная власть лидера, изоляция, психологическое и физическое насилие, сексуальная эксплуатация. Но лидером этого «культа» был не сайентолог или кришнаит. Им был элитный священник Московского Патриархата.

Что же сделал главный «сектовед» России Александр Дворкин? Что сделала его организация РАЦИРС, существующая под эгидой РПЦ?

Я провел исчерпывающий поиск. Я проанализировал все публикации на их официальных сайтах, все интервью и публичные выступления Дворкина за период с момента ареста Стремского в 2019 году до окончательного утверждения приговора в 2022-м.

Результат: ноль. Абсолютный ноль.

Ни одного заявления. Ни одной аналитической статьи. Ни одного круглого стола. Ни даже короткой новостной заметки. Главные «охотники на ведьм» в стране сделали вид, что самого громкого и позорного дела о педофилии в современной истории РПЦ просто не существует.

Они не просто промолчали. Они сознательно вычеркнули эту историю из своей информационной вселенной. В то самое время, когда они продолжали с праведным гневом клеймить йогов, протестантов и последователей восточных практик, настоящий, осужденный судом монстр в рясе, искалечивший жизни одиннадцати детей, был для них невидим.

То же самое повторилось и с другими делами, которые я расследовал:

- Священник Андрей Стребков (13 лет за насилие над 12-летней девочкой в храме). Реакция РАЦИРС: молчание.
- Игумен Христофор (Вахабов) (осужден в Австралии за растление подростка). Реакция РАЦИРС: молчание.

Это не могло быть случайностью или упущением. Это была система. И эта система работала по одному простому принципу: «Свой — невиновен, даже если его вина доказана судом. Чужой — виновен, даже если против него нет никаких доказательств, кроме нашего слова».

Механика проекции и переключения внимания

Теперь давайте разберемся, как работает эта доктрина. Она основана на классическом механизме психологической проекции, который мы уже видели на примере Якуба Яхла, но здесь он возведен в ранг институциональной политики.

1. Создание внешнего врага. РПЦ, как и любая крупная корпорация, сталкивается с внутренними проблемами: падение авторитета, коррупция,

моральное разложение части духовенства. Самый эффективный способ скрыть эти проблемы — создать внешнего врага и объявить ему войну. «Секты» стали таким идеальным врагом — чуждые, непонятные, легко демонизируемые.

2. Проекция собственных грехов. Антикультисты, выступая от имени РПЦ, с невероятной яростью обвиняют «секты» именно в тех грехах, которые процветают в их собственной структуре: жажда власти, финансовая нечистоплотность, сексуальные скандалы. Пока Дворкин кричит на всю страну о «сексуальных оргиях у неопятидесятников», суды тихо отправляют в тюрьму православных священников-педофилов. Это гигантская дымовая завеса, призванная отвлечь общественное внимание от реальных проблем и перенаправить его на вымышленные.

3. Монополизация рынка «духовности». За всей этой идеологической борьбой стоят вполне прагматичные экономические интересы. В 1990-е годы, после падения СССР, в Россию хлынул поток самых разных религиозных движений. РПЦ, не привыкшая к конкуренции, увидела в них прямую угрозу своей монополии на «духовном рынке». Антикультисты предложили свои услуги в качестве ключевого инструмента в этой конкурентной борьбе. Объявляя всех своих соперников «тоталитарными сектами», антикультисты, используя административные ресурсы и поддержку средств массовой информации, эффективно вытесняли конкурентов, обеспечивая себе доминирование на рынке.

Александр Дворкин стал идеальным исполнителем этой роли. Он не был богословом, его «экспертиза» не признавалась академическим сообществом. Но он был эффективным пропагандистом. Он принес с Запада идеологию ненависти и методы эпохи становления нацизма — и адаптировал ее для российских реалий.

Как отмечают критики, РАЦИРС, по сути, функционирует как «инквизиторский отдел» внутри РПЦ. Его задача — не исследование, а преследование. Не диалог, а анафема.

Нечестивый союз. Церковь, Государство и «Сектоведение»

Доктрина отвлечения внимания не сработала бы так эффективно, если бы не нашла живой отклик у третьего игрока — российского государства. В 1990-е годы государство было слабым и растерянным. Но с приходом 2000-х оно начало

выстраивать новую идеологию, основанную на «традиционных ценностях», идее державности и поиске внешних врагов.

- РАЦИРС фактически подставил государству удобный инструмент, превративший его политику в механизм подавления любых неконтролируемых гражданских и религиозных групп. Ярлык «секта» стал синонимом «экстремизма». «Экспертные заключения» Дворкина (который, напомним, возглавлял экспертный совет при Минюсте) ложились в основу судебных решений о запрете организаций, таких как Свидетели Иеговы или сайентологи. Борьба с «сектами» стала частью общей стратегии борьбы с «иностранным влиянием» и инакомыслием.
- Церковь получила от государства административную и законодательную поддержку в своей борьбе с конкурентами. Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 года, разделивший религии на «традиционные» и «прочие», уже заложил основу для этой дискриминации. Деятельность Дворкина стала практической реализацией этого закона.
- Дворкин получил статус, власть и практически полную безнаказанность. Он стал профессором, государственным экспертом, медийной фигурой. Его слово стало весомее решений академических институтов.

Этот нечестивый союз государства, РПЦ и псевдонаучного «сектоведения» создал в России токсичную атмосферу нетерпимости. Но самое страшное последствие этой доктрины — это полная девальвация самого понятия «защиты жертв».

Когда настоящие жертвы чудовищного насилия, как дети, пострадавшие от Стремского, оказываются проигнорированы главными «защитниками», вся система защиты превращается в фарс. Это значит, что система создана не для них. Она создана для защиты корпорации. Корпорации РПЦ и корпорации «Государство».

В этом и заключается главное, самое страшное лицемерие. Громче всех крича «Держи вора!», они отвлекают нас от того, что происходит в их собственных домах. Они создали врага, чтобы мы не заметили, что настоящий враг — враг сострадания, справедливости и правды — сидит среди них.

Эта доктрина отвлечения внимания не является уникальным российским изобретением. Она — часть глобального тренда. Как я выяснил, РАЦИРС и Дворкин

активно экспортируют свою идеологию и методы через международные сети, такие как FECRIS (Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве), где Дворкин занимал долгое время пост вице-президента. Они пытаются навязать свою модель «охоты на ведьм» всей Европе.

Глава 10. Международная тень. FECRIS и экспорт российской модели антикультизма

Брюссель и Страсбург — города, которые привыкли смотреть на себя так, будто они являются витринами цивилизации. Здесь стеклянные башни отражают погоду лучше, чем любые локальные метеослужбы; здесь даже дождь кажется стерильным, а ветер — заранее согласованным с регламентом. Коридоры европейских институций будто созданы для того, чтобы внушать спокойствие и уверенность: мягкие ковры, аккуратные двери, точно отмеренные интервалы между лампами и бесконечные папки, в которых каждая страница отполирована юристами до зеркального блеска. На этих этажах любят говорить о правах человека — не страстно, не громко, а с той бюрократической убеждённости, которая родилась не в сердцах, а в рабочих группах. Европа давно научилась производить гуманизм так же технологично, как свои автомобили: надёжно, серийно и в рамках установленного регламента.

Но любое здание, каким бы величественным оно ни казалось, всегда имеет обратную сторону — ту, куда не ведут экскурсии. Задний двор. Полутёмное пространство между мусорными контейнерами и техническими лестницами, где заканчиваются все высокие декларации и начинается реальная, не отредактированная жизнь. В европейской политике этот задний двор тоже существует. И именно там, на пересечении невидимых коридоров влияния, бумажных тропинок и некрасивых компромиссов, укоренилась организация, которая на протяжении десятилетий претендовала на роль морального арбитра для всего континента.

Её имя — FECRIS, The European Federation of Centres of Research and Information on Sectarianism. Европейская федерация центров по исследованию сектантства, где любое духовное или социальное инакомыслие автоматически

рассматривается как угроза, требующая профилактики. И вместо того, чтобы предлагать обществу инструменты эмпатии, эта организация строит сеть наблюдения — сеть, в которой подозрительность ценится выше фактов, а идеология выше закона.

FECRIS позиционирует себя как независимую НКО — «голос гражданского общества» при Совете Европы и ООН. Но финансовая реальность другая: по данным исследований, около 90–92 % её бюджета обеспечивается французским государством за счёт субсидий из публичных фондов. Эти средства распределяются через государственные структуры, в том числе при ключевом участии MIVILUDES — межведомственной миссии по борьбе с «сектантскими отклонениями». Это не фонд частных жертвователей и не инициативный кружок активистов, а по сути, структура, почти полностью сидящая на госфинансировании. Американцу проще всего представить это как реликт эпохи Red Scare — комиссию, которая носит респектабельный костюм НКО, но, по сути, выполняет функции надзорного аппарата.

Однако финансовая зависимость — лишь первый слой. Настоящая история начинается там, где деньги встречаются с идеями. В нулевых годах FECRIS стала объектом тихой, но последовательной идеологической колонизации. Если в США или Канаде дискуссия о религиозной свободе строится вокруг баланса между правами личности и общественной безопасностью, то в России она давно превратилась в инструмент: слово «секта» стало удобным ярлыком для уничтожения любого инакомыслящего. Того, кто мыслит иначе, живёт иначе, организует жизнь иначе. Секта — это универсальный враг, чья природа определяется не фактами, а чьей угодно политической волей.

Именно эту логику в FECRIS принёс Александр Дворкин, руководитель российской ассоциации РАЦИРС. Его влияние трудно недооценить. Он пришёл не один, а с идеологией, которую в России поддержали и церковь, и государственные структуры, и люди, привыкшие видеть врагов за любой дверью. Он принёс в FECRIS энергетику конфликта, привычку мыслить войной, не согласием. Его речи были насыщены оттенками холодной религиозной паранойи: мир полон угроз, культ может скрываться где угодно, любая группа, не вписывающаяся в официальную картину — потенциальный противник. И европейские активисты, подчинились этому новому ритму.

Европа, привыкшая к осторожным формулировкам и медленным дискуссиям, вдруг получила внутри себя проповедника, который говорил как генерал в окопе. Это стало для многих шоком, но для ещё большего количества — облегчением. Страх всегда проще, чем сомнение. Враг всегда удобнее, чем сложная реальность. FECRIS всё быстрее втягивалась в эту новую орбиту, где религиозное меньшинство переставало быть субъектом права и становилось удобной мишенью.

Хорхе Эрдели Грэм — фигура, о которой я уже рассказывал в этой книге. Основатель и лидер религиозного движения Iglesia Cristiana Restaurada, контролировавшего сеть частных «приютов» (casas hogar), которые оказались ловушками для детей. В Мексике он фигурирует как беглец по делу Casitas del Sur: против него выданы ордера на арест по обвинениям, связанным с исчезновением детей из этих домов, а по данным журналистских и правозащитных расследований деятельность его структуры сопровождалась похищениями, тяжёлым психологическим насилием и торговлей детьми. Но важно здесь не повторять детали трагедии, а посмотреть, как на неё отреагировали те, кто десятилетиями рассказывал миру о своей высокой миссии.

Они промолчали. Не выпустили ни одного заявления. Не извинились. Не выразили сочувствия. Не провели внутреннего расследования. Не удалили своих методичек, в которых ссылались на Эрдели.

Они сделали единственное, что могли сделать структуры, живущие не истиной, а инстинктом выживания. Они стерли. Имя исчезло с сайтов. Доклады были почищены. Конференционные программы переписаны. Архивы протёрты до состояния музейной витрины. И этот корпоративный рефлекс стал окончательным доказательством: FECRIS не борется с культами. FECRIS борется за свой фасад, свою репутацию, свою власть определять, кто достоин называться нормальным, а кто — опасным.

Но эта тень стала ещё длиннее, когда Россия начала полномасштабное вторжение в Украину, российские партнёры FECRIS — РАЦИРС и связанные с ним антикультовые активисты — встроились в военную пропаганду. Те же люди, которые годами монополизировали европейскую повестку о «сектах», стали описывать войну как крестовый поход против «сатанизма» и «деструктивных культов» в Украине. Параллельно с государственными призывами к «десатанизации» Украины их риторика о «культах», якобы угрожающих России, была без труда перенесена с религиозных меньшинств на целую нацию.

И снова FECRIS замолчала. Молчала, как молчат структуры, у которых нет иной морали кроме выживания. Они не осудили ни войны, ни риторики своих российских партнёров, пока международное давление не стало слишком большим, пока угрозы потери финансирования не оказались слишком реальными. Лишь тогда, когда стало понятно, что бездействие может стоить им грантов, они сделали формальное заявление о «дистанцировании».

Но репутации это уже не спасло. Комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF) в своих докладах 2020 и 2023 годов прямо назвала FECRIS угрозой свободе вероисповедания и инструментом дезинформации. Она указала на Дворкина и на российскую модель, на которую FECRIS давно и прочно опиралась. Она показала, что FECRIS стала не защитником, а агрессором; не наблюдателем, а участником.

И в итоге всё стало ясно: FECRIS — это не экспертная организация. Не правозащитный институт. И уж точно не структура, способная отличить правду от страха. FECRIS — это культ. Культ со своей догмой, своим канонем подозрений, своими священными врагами и своим главенствующим правилом: «Защищай своих. Нападай на чужих. Всегда».

Дракон, которого они искали в йога-студиях и протестантских церквях, всё это время сидел у них дома — за конференционным столом, в актовом зале на ежегодных симпозиумах, в списках консультативных советов.

И если Европа действительно хочет защищать свободу вероисповедания, защищать семьи, защищать детей — ей придётся сначала честно посмотреть в лицо этому дракону. Он не прячется. Он носит костюм, читает доклады, подаёт заявки на гранты и уверяет весь мир, что делает это ради нашего блага.

Глава 11. Угроза Демократии. От риторики к репрессиям

На протяжении этой книги мы спускались все глубже и глубже: от частных историй преступлений к анализу психологии преступников, оттуда — к препарированию их идеологии и, наконец, к разоблачению институционального лицемерия, которое их питает. Теперь пришло время подняться на самый верхний

уровень и оценить картину в целом. Пришло время ответить на главный вопрос, который и послужил толчком к этому расследованию: какую угрозу несет антикультистское движение самим основам свободного и демократического общества?

Мой ответ, основанный на всем собранном материале, однозначен: это одна из самых серьезных и недооцененных угроз современности. Антикультизм — это не просто маргинальное движение чудаков. Это хорошо организованная, финансируемая и мотивированная сила, которая систематически подрывает фундаментальные права и свободы человека. Ее конечная цель — не защита общества, а установление тотального контроля.

1. Прямое уничтожение свободы вероисповедания

Это самая очевидная угроза. Деятельность антикультистов прямо противоречит базовым международным нормам о правах человека, в первую очередь — Всеобщей декларации прав человека (статья 18) и Европейской конвенции по правам человека (статья 9), которые гарантируют каждому свободу мысли, совести и религии.

Антикультистская доктрина, по сути, отменяет эту свободу. Она вводит негласную иерархию религий:

- «Традиционные» религии: Имеют полное право на существование и поддержку государства (в России это, в первую очередь, православие).
- «Секты» (любые другие религиозные организации): Поражены в правах. Их последователи — не полноценные граждане, а «жертвы», «зомби», которых можно и нужно «спасать» даже против их воли.

Эта модель создает систему религиозного апартеида. Она легитимизирует дискриминацию и преследование по религиозному признаку. Мы видим это на практике:

- В России: «Экспертизы» Дворкина и его центра легли в основу запрета Свидетелей Иеговы как «экстремистской организации». Тысячи людей были брошены в тюрьмы, подверглись пыткам, у них отнимали детей. Все это — за простое исповедание своей веры.

- В Европе: Организация FECRIS, вице-президентом которой долгое время являлся Дворкин, постоянно лоббирует в национальных правительствах и структурах ЕС принятие дискриминационных законов против религиозных меньшинств. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) неоднократно выносил решения против Франции и России, осуждая их антикультистские практики как нарушение свободы вероисповедания.

Как справедливо заметила Комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF), антикультистская идеология сама по себе является «серьезной угрозой» этой свободе во всем мире. Они не защищают людей от «культиков», они лишают людей права на свободный духовный выбор.

2. Создание шаблона для подавления любого инакомыслия

Угроза антикультизма выходит далеко за рамки религии. Технология клеймения и дегуманизации, отработанная на «сектах», является универсальным шаблоном для борьбы с любым инакомыслием.

Замените в фразе «тоталитарная секта» слово «секта» на любое другое, и вы получите готовую формулу для репрессий:

- «Тоталитарный НКО» (неправительственная организация)
- «Тоталитарная партия»
- «Тоталитарное СМИ»

Принципы атаки будут теми же:

1. Обвинение в «промывании мозгов»: Эта группа якобы манипулирует общественным мнением, распространяет «фейки».

2. Обвинение в работе на врага: Группа является «иностранным агентом», получает финансирование из-за рубежа, действует в интересах враждебных государств.

3. Обвинение в деструктивной деятельности: Группа «разрушает традиционные ценности», «подрывает основы государственности», «растлеивает молодежь».

Знакомо, не правда ли? Это именно тот язык, который авторитарные режимы по всему миру, и в первую очередь в России, используют для подавления

гражданского общества. Антикультисты были пионерами в разработке этой технологии ненависти. Они создали и апробировали на религиозных меньшинствах тот самый инструментарий, который затем начали использовать для борьбы с политической оппозицией, независимыми журналистами и правозащитниками.

По данным официального перечня Росфинмониторинга, в России сегодня числятся сотни организаций, признанных «экстремистскими» или «террористическими» — их список превышает 800 позиций. Но куда показательнее цифры по людям: в том же реестре находятся 19 131 физическое лицо, занесённое в категорию «экстремистов» или «террористов». И речь далеко не всегда идёт о людях, связанных с насилием. В список часто попадают политические активисты, журналисты, религиозные лидеры и гражданские инициативы, которые с точки зрения государства выглядят «неблагонадёжными» или «идеологически опасными».

Включение происходит нередко до суда, а иногда и без предъявления обвинений — на основе одного лишь процессуального статуса или подозрения. Это создаёт ситуацию практической презумпции виновности, когда человек оказывается в реестре не за совершённое преступление, а за то, что, по мнению государства, он *может* совершить его в будущем или просто выражает «неправильное» мнение.

Для этих 19 131 человек статус означает не просто клеймо, а фактическое поражение в правах. Их банковские счета блокируются, они не могут получать зарплату на личный счёт, открывать счета, оформлять кредиты или пользоваться картами. Многие сферы деятельности становятся для них закрытыми, участие в выборах — невозможным, а любое нарушение финансовых ограничений грозит уголовным преследованием.

К этому добавляется перечень неправительственных организаций, признанных нежелательными — их уже более 250. Их деятельность полностью запрещена, сайты блокируются, а сотрудничество или даже репост материалов может привести к уголовной ответственности.

И отдельным пластом стоит единый реестр «иностранцев», включающий СМИ, НКО, инициативные группы и частных лиц — всего 1107 позиций. Этот статус требует маркировать каждое публичное заявление, вести

отчётность и соблюдать десятки бюрократических требований — нарушение которых также карается уголовно.

В совокупности эти списки охватывают десятки тысяч людей и более тысячи организаций, объявленных опасными, нежелательными или «иностранно влияющими». Масштаб этой системы беспрецедентен. Она превращает ярлыки «экстремизма», «нежелательности» и «иноагентства» в универсальные инструменты политического и идеологического подавления — лишая людей их прав, профессий, экономической самостоятельности и правовой защиты.

На этом примере с Россией, где сформировался современный идеологический центр антикультизма, мы видим, что борьба с антикультистской идеологией — это не просто защита каких-то «экзотических» верований. Это борьба за само пространство свободного слова и свободной мысли. Если сегодня мы позволим антикультистам решать, какая религия «правильная», а какая «секта», то завтра оно будет также решать, какая политическая партия «правильная», а какая «экстремистская», и какая точка зрения «патриотична», а какая — «предательская».

3. Разрушение общественного доверия и правовой культуры

Антикультовое движение систематически подрывает доверие к базовым демократическим институтам.

- Критикуют власти и правоохранительные органы: антикультисты упрекают власти в «бездействии», требуя более жестких мер. При этом они позиционируют себя как единственную силу, знающую «правду», и тем самым дискредитируют официальные институты, которые действуют в рамках закона.
- Создают параллельную систему «правосудия»: Их «экспертные центры» присваивают себе функции следствия, прокуратуры и суда. Они выносят «приговоры» целым группам людей без какого-либо юридического процесса, основываясь на слухах, предрассудках и собственных идеологических установках.
- Отравляют медиа-пространство: Они наводняют СМИ и интернет псевдонаучной информацией, теориями заговора и откровенной дезинформацией, создавая атмосферу массовой истерии и моральной

паники. Это делает невозможным взвешенный и объективный общественный диалог по вопросам религии и убеждений.

В результате общество оказывается расколотым и дезориентированным. Люди перестают доверять друг другу, закону, государству. В этой мутной воде страха и ненависти антикультистам очень легко ловить рыбу — проталкивать репрессивные законы, зачищать политическое поле и укреплять свою власть.

4. Интернационализация ненависти

Наконец, самая глобальная угроза заключается в том, что эта модель успешно экспортируется. Многочисленные исследования показывают, что антикультовые движения в разных странах тесно связаны. Российская РАЦИРС через FECRIS влияет на повестку дня в Европе. Чешские антикультисты, вроде Якуба Яхла, продвигают те же нарративы. Сербские националисты в разгар югославских войн использовали антикультовые методы для разжигания этнической ненависти. Все это я описывал в своей предыдущей книге «Инквизиторы XXI века».

Мы имеем дело с настоящим «Инквизиторским Интернационалом» — глобальной сетью, которая распространяет идеологию нетерпимости. Эта сеть действует под благовидным предлогом «защиты семей» и «борьбы с опасными культами», но ее реальная цель — уничтожение плюрализма и утверждение единой, «правильной» картины мира.

Это прямая атака на самую суть либеральной демократии, которая основана на признании ценности разнообразия мнений, верований и образов жизни.

Мое расследование началось с частных историй о насилии и лицемерии. Но оно привело меня к выводу о системной, глобальной угрозе. Антикультизм — это не группа обеспокоенных граждан. Это идеологическое оружие, которое в руках авторитарных режимов и реакционных религиозных институтов используется для уничтожения свободы.

Сегодня его мишень — Свидетели Иеговы, сайентологи или последователи йоги. Завтра — правозащитники. Послезавтра — любой, кто осмелится мыслить иначе.

Именно поэтому молчать нельзя. Именно поэтому я написал эту книгу. Моя цель — не защитить какую-то конкретную религию. Моя цель — защитить право на

выбор. Право каждого из нас верить или не верить, думать самостоятельно, не опасаясь, что однажды в дверь постучат «спасители» и насильно потащат нас к «свету».

Как показала история Маргарет Руто, чьи усилия запустили расследование и приговор американскому миссионеру за преступления против кенийских детей, голос одного человека может разрушить стену молчания. Я надеюсь, что моя книга станет таким голосом. Голосом, который заставит общество, журналистов и политиков проснуться и увидеть реальную угрозу. Угрозу, которая скрывается не в «сектах», а в тех, кто на них охотится.

Заключение. Выбор между страхом и свободой

Я закрываю последнюю папку с материалами расследования. На столе передо мной — мозаика из сломанных судеб, собранная за годы пути, который провел меня через три континента. Лица детей из приюта в Моши, застывшие в ужасе перед своим «спасителем» Якубом Яхлом. Пустые, выжженные изнутри глаза жертв «святого старца» Николая Стремского. Фотографии из душного зала суда в замбийской Ндоле, где решалась судьба детей, ставших товаром в мутной сделке между отчаянием и желанием. Рядом — стопки распечаток с сайтов антикультистов, пестрящие, как чумные листовки, словами «опасность», «угроза», «зомби», «враги».

Два мира, две реальности, лежащие рядом на одном столе. Мир реальных, доказанных судом, невыносимых преступлений, совершенных под маской святости. И мир вымышленных угроз, химерических опасностей, сконструированных для оправдания ненависти и захвата власти.

Это расследование началось с простого журналистского любопытства, с попытки понять, кто такие современные охотники на ведьм. А превратилось в главное расследование моей жизни, потому что я обнаружил нечто гораздо более страшное, чем ожидал. Я искал ответ на вопрос, кто такие антикультисты. Я нашел его: зачастую, это и есть те самые монстры, от которых они якобы нас защищают. В самых крайних, но, как оказалось, закономерных своих проявлениях, они становятся воплощением всего того, с чем они призывают бороться.

Теперь, когда улики собраны, пришло время синтезировать эти разрозненные истории в единый вывод. Пришло время ответить на риторические вопросы, которые красной нитью проходили через все наше расследование.

Почему это происходит? Потому что в современном мире, уставшем от сложности и жаждущем простых ответов, маска абсолютной добродетели стала самым эффективным камуфляжем для абсолютного зла. Я назвал этот феномен «паттерном Святого Извращенца». Это не просто набор преступлений, это поведенческая модель, стратегия. Хищник больше не прячется в тени. Он выходит на свет, облачившись в самые сияющие одежды, которые может предложить

общество: рясу священника, мантию ученого, удостоверение правозащитника или волонтера. Этот статус дает ему не просто прикрытие, а нечто гораздо более ценное: доступ к самым уязвимым, кредит безграничного доверия и презумпцию невиновности, которую почти невозможно опровергнуть. Он находит свои «охотничьи угодья» там, где контроль минимален, а жертвы бесправны — в нищих странах третьего мира или в изолированных от внешнего мира общинах внутри своей собственной страны.

В чем психологический механизм? В основе этого паттерна лежит извращенная форма психологической проекции. Мы видели это на примере Якуба Яхла, который был живой энциклопедией антикультистских фобий. Он обвинял «культы» в авторитаризме, манипуляциях и сексуальной эксплуатации, но сам же создал систему абсолютной диктатуры, построенную на наркотиках, насилии и извращениях. Он боролся не с «сектами». Он боролся с собственными демонами, проецируя их на внешний мир, и находил садистское наслаждение, «наказывая» эти грехи в других. Антикультизм для таких людей — не просто прикрытие. Это идеальная идеология, которая позволяет им легализовать свою ненависть, облечь свои патологии в форму общественно полезной деятельности и получить моральное право на насилие.

Кому это выгодно? Этот вопрос выводит нас от психологии отдельных маньяков к циничному расчету больших институтов. На примере России мы увидели, что антикультистское движение — это не спонтанная реакция обеспокоенной общественности. Это хорошо продуманная PR-стратегия, «доктрина отвлечения внимания». Она позволяет создать образ внешнего врага, на которого можно спроецировать собственные грехи. Пока Дворкин с трибуны кричит об «оргиях у неопятидесятников», суды тихо отправляют в колонии православных священников-педофилов.

Для государства выгода не менее очевидна. Антикультистская идеология предоставила ему универсальный инструмент для подавления любого инакомыслия. Язык, отработанный на религиозных меньшинствах, оказался легко применим к кому угодно.

И это подводит нас к финальному, главному выводу. Опасность антикультизма выходит далеко за рамки судеб отдельных верующих. Современное антикультовое движение представляет собой одну из самых серьезных и недооцененных угроз для основ свободного и демократического общества.

Эта книга — попытка вернуть нам чувство бдительности. Она обращена к каждому из вас — к простым гражданам, журналистам, политикам и сотрудникам правоохранительных органов.

Когда вы в следующий раз услышите по телевизору очередного «эксперта», с горящими глазами клеймящего «деструктивную секту» и призывающего к запретам и репрессиям, не спешите ему верить. Включите внутреннего следователя. Задайте себе несколько простых вопросов, которым научило меня это расследование:

- Какова реальная квалификация этого «эксперта»? Является ли он признанным ученым-религиоведом, или его «экспертиза» основана на идеологических штампах и не признается академическим сообществом?
- На каких доказательствах основаны его обвинения? Это решения судов, подтвержденные факты? Или это слухи, домыслы и эмоциональные истории «пострадавших», которые могут быть частью срежиссированной кампании?
- Говорит ли этот «эксперт» с таким же рвением о доказанных преступлениях внутри «традиционных», мейнстримных институтов? Или его гнев поразительно избирателен? Готов ли он с тем же пафосом обсуждать, к примеру, дело священника РПЦ Стремского, как он обсуждает вред йоги?
- Кому выгодна эта кампания? Не является ли его «борьба» просто инструментом в конкурентной войне за паству, в политической игре за подавление инакомыслия или в финансовой схеме по освоению грантов?
- Что он предлагает? Его решение — это диалог, просвещение и верховенство закона? Или это запреты, преследования и насилие?

Критическое мышление — наша единственная защита от ненависти. Это единственное, что может защитить нас от новой инквизиции.

Я начинал эту книгу с истории о «спасителях». И я хочу закончить ее мыслью о спасении. Настоящее спасение — это не насилие, не «депрограммирование» и не запреты. Настоящее спасение — в просвещении, в диалоге, в верховенстве закона, который един для всех, независимо от того, как человек молится и молится ли вообще. Спасение — в обществе, где права человека, включая священное право на свободу совести, являются абсолютной ценностью, а не разменной монетой в политических играх.

Мир не делится на «праведников» и «сектантов». Он делится на тех, кто уважает свободу другого человека, и тех, кто стремится ее отнять. Этот выбор — между страхом и свободой, между догмой и критическим мышлением, между инквизицией и правовым государством — мы делаем каждый день. Своим молчанием или своим словом. Своим безразличием или своим участием.

Я свой выбор сделал. Эта книга — мой голос.

Надеюсь, он будет услышан.

Список использованных источников

1. BBC News. (2021, February 5). Gregory Dow: US missionary jailed for sex crimes in Kenya orphanage. <https://www.bbc.com/news/world-africa-55947570>
2. Beogradski dijalog [Београдски дијалог]. (1997). Belgrade: Православна мисионарска школа при храму Св. Александра Невског.
3. Bitter Winter. A magazine on religious liberty and human rights. <https://bitterwinter.org/>
4. Brandes, H. (2016, March 8). Oklahoma man sentenced for sexually abusing children in Kenya. Reuters. <https://www.reuters.com/article/world/oklahoma-man-sentenced-for-sexually-abusing-children-in-kenya-idUSKCN0WAoNG/>
5. Business-Gazeta. (2019, 26 сентября). В Оренбурге арестован многодетный священник подозреваемый в изнасиловании несовершеннолетних <https://m.business-gazeta.ru/news/440256> m.business-gazeta.ru
6. Bromley, D. G., & Shupe, A. D. (1980). The new vigilantes: Deprogrammers, anti-cultists, and the new religions. Beverly Hills, CA: SAGE Publications.
7. CAP Freedom of Conscience. (2020, February 8). Jorge Erdely Graham: Why are FECRIS and ICSA not talking about him? <https://freedomofconscience.eu/jorge-erdely-graham-why-are-fecris-and-icsa-not-talking-about-him/>
8. Casitas del Sur case. Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Casitas_del_Sur_case
9. CAP Freedom of Conscience. Official website. <https://freedomofconscience.eu/LIREC> – Center for Studies on Freedom of Religion, Belief and Conscience. Official website. <https://lirec.net/welcome>
10. CESNUR. Center for Studies on New Religions. <https://www.cesnur.org/>
11. Council of Europe. (1950, November 4). Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (ECHR). https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_ENG
12. Council of Europe. (2007, October 25). Council of Europe Convention on the Protection of Children against Sexual Exploitation and Sexual Abuse (Lanzarote Convention). <https://rm.coe.int/1680084822>

13. Chief Editor. (2023, January 12). Ndola Magistrate grants bail to eight (8) Croatian nationals charged with the offence of attempted trafficking in four children. Lusaka Times. <https://www.lusakatimes.com/2023/01/12/ndola-magistrate-grants-bail-to-eight-8-croatian-nationals-charged-with-the-offence-of-attempted-trafficking-in-four-children/>
14. Dennen, X. (2003). Распространять правду – очень опасное дело, особенно когда государство основано на лжи. Религия и право, (4), 14–17.
15. Di Marzio, R. LIREC supports the Joint letter on The Proposed Freezing of Assets of Religious Corporations the Government Seeks to Dissolve: A Danger for All Faiths in Japan. LIREC – Center for Studies on Freedom of Religion, Belief and Conscience.
16. Freud, S. (1921). Group Psychology and the Analysis of the Ego. London: The Hogarth Press & Institute of Psycho-Analysis. [Рус. пер.: Фрейд, З. Психология масс и анализ Я].
17. Hassan, S. (2015). Combating Cult Mind Control (Updated ed.). Newton, MA: Freedom of Mind Press. [Рус. название: «Борьба с культовым контролем сознания»].
18. IslamNews. (2014, December 25). Религиовед-душегуб консультировал ростовских силовиков по вопросам экстремизма. <https://islamnews.ru/religioved-ubijca-konsultiroval-rostovskix-silovikov-po-voprosam-ekstremizma>
19. Jākabsons, E. Sargieties – antisektanti! Kristus Pasaulē.
20. Josipović, I. (2023, October 1). Pitate se gdje je Noah Kraljević po povratku iz Zambije? Educira sindikalne državne službenike RH! Narod.hr. <https://narod.hr/hrvatska/pitate-se-gdje-je-noah-kraljevic-po-povratku-iz-zambije-educira-sindikalne-drzavne-sluzbenike-rh>
21. Jung, C. G. (1947). Essays on Contemporary Events (incl. “Wotan”). London: Routledge & Kegan Paul. [Рус. пер.: Юнг, К. Г. О событиях современности / эссе «Вотан»].
22. Meduza. (2021, 24 декабря). Оренбургского священника Николая Стремского приговорили к 21 году колонии по делу об изнасилованиях несовершеннолетни <https://meduza.io/news/2021/12/24/orenburgskogo-svyaschennika->

- nikolaya-stremnskogo-prigovorili-k-21-godu-kolonii-po-delu-ob-iznasilovaniyah-nesovershennoletnih
23. Runciman, S. (1951–1954). A History of the Crusades (Vols. 1–3). Cambridge: Cambridge University Press. [Рус. пер.: Рансимен, С. История крестовых походов].
24. So Who Are the “Anticultists”? Pedophiles and Maniacs Hiding Behind Anticultism. (2025, July 14). ACTFILES. <https://actfiles.org/so-who-are-the-anticultists/>
25. TRT Russian. (2020, 31 декабря). Настоятеля и звонаря храма в ЕАО обвинили в растлении более 50 мальчиков <https://www.trtrussian.com/article/4006691>
26. United States Commission on International Religious Freedom. (2020). Annual report 2020. Washington, DC: USCIRF. <https://www.uscifr.gov/publications/2020-annual-report>
27. UNITED NATIONS. (1948, December 10). Universal Declaration of Human Rights. https://www.un.org/en/udhrbook/pdf/udhr_booklet_en_web.pdf
28. U.S. Department of Justice, U.S. Attorney’s Office for the Eastern District of Pennsylvania. (2021, February 4). Lancaster man sentenced to 15+ years in prison for sexually abusing orphans in Kenya. <https://www.justice.gov/usao-edpa/pr/lancaster-man-sentenced-15-years-prison-sexually-abusing-orphans-kenya>
29. VC.ru. (2025, July 25). РАЦИРС. Культ под прикрытием. Кто готовил Россию к войне? <https://vc.ru/id5074830/2119827-racirs-i-ideologiya-voyny-v-rossii>
30. Вершинин, М. В. (2025). Внутри секты. Почему люди попадают под влияние культов и можно ли им помочь. Москва: Бомбора.
31. Дворкин, А. Л. (2006). Сектоведение. Тоталитарные секты: Опыт систематического исследования. Нижний Новгород: Христианская библиотека.
32. Дворкин, А. Л. (2007, April 16). Памяти профессора И. Огорда. Русская народная линия. https://ruskline.ru/analitika/2007/04/16/pamyati_professora_i_ogorda
33. Иваненко, С. И. (2012). Вторжение антикультизма в государственно-конфессиональные отношения в современной России. Санкт-Петербург: Древо жизни.

34. Интерфакс. (2021, 24 декабря). Суд приговорил к 21 году колонии оренбургского священника по делу о педофилии
<https://www.interfax.ru/russia/812300>
35. Кантеров, И. Я. (2006). Новые религиозные движения: (введение в основные концепции и термины). Владимир: Издательство Владимирского государственного университета.
36. Межрегиональная общественная организация «ЦСПЭД». Официальный сайт. <https://www.csaped.ru/>
37. Право.ру. (2021, 24 декабря). Священник Николай Стремский получил 21 год строгого режима. <https://pravo.ru/news/237887/>
38. Радио Свобода. (2021, 24 декабря). Священник Стремский приговорён к 21 году колонии за насилие над детьми
<https://www.svoboda.org/a/svyaschennik-stremskiy-prigovoryon-k-21-godu-kolonii-za-nasilie-nad-detjmi/31624053.html>
39. Телеканал «Радость моя». Тайна ложных учений [телевизионный цикл; автор и ведущий — А. Л. Дворкин].
40. Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Ириней Лионского. Официальный сайт. <https://iriney.ru/>